

РАЗДЕЛ I

Гражданская война глазами военспецов

“Ставка капитулировала благополучно”

До 1987 года участие военспецов в гражданской войне, не говоря уже об их решающей роли, просто замалчивалось. Но вот в 1987 году вышла энциклопедия “Гражданская война и военная интервенция в СССР”, где военным историком А. Г. Кавтарадзе были помещены статьи и биографические очерки о военспецах, а в 1988 г. появилась его книга «Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920». Работа Александра Георгиевича преследовала цель доказать, что без военспецов у большевиков было мало шансов выиграть гражданскую войну. По справедливому мнению ученого, большая часть офицерского корпуса заняла выжидательную позицию, и лишь небольшое число кадровых военных сразу же определилось в своих политических убеждениях. Тем не менее, как следует из приложения к монографии А. Г. Кавтарадзе со списком офицеров генерального штаба, служивших в РККА, подавляющее их большинство перешло к красным добровольно. То есть можно подумать, что они вступили в Красную Армию без всякого принуждения. Так ли это было на самом деле? На этот вопрос большинство крупных военспецов, арестованных по делу “Весна”, ответили однозначно: «Нет!»

Первые же шаги большевиков были направлены на массовое истребление генералитета и офицерства. Кадровых военных поднимали на штыки, истязали, брали в заложники, измывались над их семьями. Ярким тому примером может служить приказ командующего большевистскими армиями, воевавшими с войсками Центральной Рады, бывшего подполковника (по иронии судьбы) М. А. Муравьева. Этот приказ был отдан им 4 февраля 1918 года перед штурмом Киева: *«Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции»*. (Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. – Москва, 1924. – Т. 1. – С. 154.)

Одной из первых расправ над офицерством было почти символическое убийство последнего главнокомандующего русской армией генерала Николая Николаевича Духонина, учиненное сразу же после Октябрьского переворота. Эта история, как и ликвидация самой ставки главнокомандующего в Могилеве, стала отправной точкой взаимоотношений между большевиками и военспецами. Как известно, новым главнокомандующим вместо генерала Духонина Совнарком назначил старого партийца прапорщика Н. В. Крыленко, которому «для успокоения» был придан отряд матросов Балтийского флота. В таком составе «мирная» делегация отправилась в Могилев снимать с поста главнокомандующего генерала Духонина.

Николай Николаевич Духонин стал последним в умирающей России человеком, попытавшимся предотвратить гражданскую войну. Прибывшие на помощь ударные батальоны он спровадил из ставки, заявив, что не допустит братоубийства. Приехавшему вскоре Крыленко Духонин без замедления передал свои полномочия. Новоиспеченный и уже бывший главнокомандующие остались в вагоне штаба для обсуждения положения. Неожиданно в вагон ворвались матросы, и,

несмотря на протесты Крыленко, выволокли из него Духонина и растерзали прямо на железнодорожных путях.

Тем не менее благодаря отправке Духониним из ставки ударников, уцелели все остальные чины штаба. Полковник К. И. Бесядовский, служивший в то время в штабе главнокомандующего, заявил на допросах в 1931 году: «*Благодаря своевременным принятым мерам (накануне прихода первых эшелонов с матросами из Ленинграда из Могилева были выведены все находившиеся там “ударные полки”) Ставка капитулировала благополучно.*» (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 67, дело Бесядовского К. И., с.10.)

Начался полный развал старой армии. Фронт перестал существовать, Совнарком с Четверным союзом в Брест-Литовске вел переговоры о мире. Даже самым радикальным большевикам стало понятно, что без армии они не удержатся у власти, а без военспецов армии не создать. И они взялись за строительство собственных вооруженных сил, всеми правдами и неправдами вербуя царских генералов и офицеров. Одну из главных ролей в этом действе сыграл военный руководитель Высшего Военного Совета и бывший царский генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, являвшийся родным братом управляющего делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевича.

Три руководителя РККА

В ночь с 21 на 22 февраля 1931 года по делу мнимого контрреволюционного заговора бывших офицеров ОГПУ был арестован военрук Высшего Военного Совета Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. В свое время этот генерал сделал себе имя благодаря близости к семье знаменитого русского военачальника Михаила Драгомирова. Издав после смерти последнего его книгу по тактике, Бонч-Бруевич заслужил признательность всей военной России, стал преподавателем Николаевской военной академии. Во время Первой мировой войны Михаил Дмитриевич участвовал во взятии Львова и обороне Риги. В то время генерал-майор Бонч-Бруевич занимал должности генерал-квартирмейстера сначала 3-й армии, затем – Северо-Западного фронта. Начальником Михаила Дмитриевича был сподвижник Драгомирова, генерал от инфантерии Н. В. Рузский (в 1918 году взят красными в качестве заложника и зарублен).

Между прочим, уже тогда бессменным помощником Бонч-Бруевича по ряду вопросов стал скромный полковник Генштаба С. Г. Лукирский, также осужденный по делу “Весна”. Небезынтересно отметить, что военный министр генерал Владимир Сухомлинов в 1915 году недолюбливал как одного, так и другого: Бонч-Бруевича считал полностью подпавшим под влияние Лукирского, а последнего называл “дрянью большой”. (Переписка В. А. Сухомлинова // Красный Архив. – М., 1922. – Т. 2. – С. 132.)

В марте 1915 года Бонч-Бруевич стал начальником штаба Северо-Западного фронта, в то время это была одна из ключевых должностей в русской армии. Резкий и малообщительный, он не пришелся по вкусу дворцовой знати. Вокруг генерала плелись интриги. Бонч-Бруевич платил придворным той же монетой, подозревая некоторых из них в шпионаже в пользу Германии. В конце концов некоторые царедворцы стали открыто выражать свое пренебрежение к генералу. По словам служившего во время войны в ставке Верховного Главнокомандующего М. К. Лемке, как-то к ним приехал бывший варшавский генерал-губернатор князь Енгальчев и заявил, что хочет занять должность “не меньше” начальника штаба фронта. Видя недоумение чинов ставки, Енгальчев поспешно добавил: “Так прогоните кого-нибудь, ну хоть Бонч-Бруевича. Государь обещал поговорить об этом с Рузским...” Конечно же, князю объяснили, что так не делается, и он уехал восвояси, но случай весьма показательен. (Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. – Петербург, 1920. – С. 153).

Вскоре к хору недоброжелателей М. Д. Бонч-Бруевича присоединилась и царица, обиженная недоверием генерала к ее приближенным. Она засыпала Николая II письмами с ядовитыми отзывами в адрес Бонч-Бруевича:

«Какая будет радость, когда ты избавишься от Б. Бр. (не умею написать его имени)! Но сначала ему нужно дать понять, какое он сделал зло, падающее притом на тебя. Ты чересчур добр, мой светозарный ангел. Будь тверже, и когда накажешь, то не прощай сразу и не давай хороших мест: тебя недостаточно боятся» (письмо от 29.01.1916).

«...Да, поскорее избавься от Бр.-Бр. Только не давай ему дивизии...» (письмо от 3.02.1916).

«Убрал ли Куропаткин, наконец, Бр.-Бруевича? Если еще нет, то вели это сделать поскорее. Будь решительнее и более самодержавным, дружок, показывай твой кулак там, где это необходимо – как говорил мне старый Горемыкин в последний раз, когда был у меня: “Государь должен быть твердым, необходимо, чтобы почувствовали его власть”. И это правда. Твоя ангельская доброта, снисходительность и терпение известны всем, ими пользуются. Докажи же, что ты один – властелин и обладаешь сильной волей». (Переписка Романовых. – М., 1924. – Т.4. – С. 63, 80, 129.)

Понятно, что все это не могло тянуться долго, и 1 марта 1916 года Николай II снял Бонч-Бруевича с занимаемой должности. Теперь он стал сначала генералом для поручений штаба Северного фронта, затем – ставки главнокомандующего. Но все эти должности были скорее номинальными. Не мудрено, что с Февральской революцией обиженный царской семьей Михаил Дмитриевич одним из первых генералов объявил о своей лояльности Временному правительству.

При Керенском Бонч-Бруевич сначала занимал должность начальника Псковского гарнизона, где находился штаб Северного фронта, затем некоторое время командовал Северным фронтом, и, наконец, был назначен начальником Могилевского гарнизона.

Во время Октябрьского переворота М. Д. Бонч-Бруевич стал первым генералом, перешедшим на сторону большевиков. И в этом не было ничего удивительного. Кроме того, что Бонч-Бруевич был обижен на весь старый строй, он еще имел и родного брата – Владимира Дмитриевича, большевика с 1895 года, управляющего делами Совнаркома. Именно поэтому генерал-майор Бонч-Бруевич сразу же принял предложенную большевиками должность начальника штаба после назначения нового главкома прапорщика Н. Крыленко. Не остановило его и зверское убийство последнего верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, между прочим, его старого друга. Помощником Бонч-Бруевича стал генерал С. Г. Лукирский, дежурным генералом – полковник К. И. Бесядовский.

Бывший прапорщик недолго был главнокомандующим. С расформированием старой армии он утратил эту должность. И 4 марта 1918 года его заменил Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, назначенный военруком Высшего Военного Совета, в ведении которого находилось ведение военных действий на так называемых внешних фронтах, т. е. – против немцев.

“Ультра-большевик” – так называли Бонч-Бруевича военспецы и белогвардейцы. Сам же он по поводу своих убеждений на допросе в 1931 году высказался по-другому: *«Я с малых лет исповедую христианскую религию, которая, по моим представлениям, является предметом моего нравственного склада. Я вовсе не связываю “религию” (в моем понимании) с государством, и, тем более, не признаю ее давления на государство. Отсюда явно, что взятка колоколов на производство в металл, разборка церквей не составляют нарушения “религии” в моем понимании; государство имеет полное право это делать».* (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 188, дело Бонч-Бруевича М. Д., с. 9.)

По утверждениям некоторых военспецов, проходивших по делу «Весна», работой Высшего Военного Совета Бонч-Бруевич интересовался мало, переложив свои обязанности на старого соратника С. Г. Лукирского, и в конце концов 26 августа 1918 года был смещен со своей должности. В последующем Михаила Дмитриевича большевики использовали на ответственных должностях всего лишь один раз. Летом 1919 года, после ареста главкома Вацетиса и начальника Полевого штаба РККА бывшего генерала Костяева, Бонч-Бруевич замещал их целый месяц. Вскоре эти должности заняли бывшие полковник С. С. Каменев и генерал П. П. Лебедев.

В 1919–1923 годах Михаил Дмитриевич руководил Геодезическим управлением, а затем состоял в распоряжении Реввоенсовета СССР. Но и с этого поста он слетел за “вредительство”. В 1923 году бывшего генерала обвиняли по ст.ст. 110, 116 и 150 Уголовного кодекса и дело передали в прокуратуру. Но до суда большевики не дошли, – не позволил Ф. Э. Держинский.

К сожалению, на допросах 1931 года Бонч-Бруевич не рассказывал подробностей о своей работе на посту военрука Высшего Военного Совета и предыдущих арестах. Зато в его деле содержится множество пикантных фактов из жизни после отставки. На первом же допросе бывший генерал заявил: *“Никогда в своей деятельности, ни в какой сфере, – я не причинил вреда Советской власти. Во многих случаях я боролся с такою деятельностью, которая называется “вредительством”, и прибегал к помощи ОГПУ, например, в постановке аэрофотосъемки, в организации картографических работ. Как советский гражданин, я считаю своим долгом сообщать о случаях, вредных для Советской власти, что я и делал всегда”*. (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 188, дело Бонч-Бруевича М. Д., с. 7.)

Как же бывший первый красный главком сообщал о вредительстве? Да очень просто: шел и... докладывал. Ну ладно, сообщал бы еще о “вредительстве” в соответствии со своим чином и положением. Так нет же, оказывается, в 1922 году Михаил Дмитриевич не побрезгал даже доложить о том, что в его доме кто-то незаконно продает спиртное. (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 188, дело Бонч-Бруевича М. Д., с. 33.)

К 1931 году послужной список “доброжелателя” Бонч-Бруевича был уже достаточно большим. В 1923 году он сообщил лично Ф. Э. Держинскому о нехватке карт на западной границе, и это в то время, когда там готовились к новой войне с поляками. В 1924-м Михаил Дмитриевич наклеузначал самому Ленину о неправильной фотосъемке в Топографическом управлении. Наконец, в 1927 или 1928 году Бонч-Бруевич доложил начальнику центрального управления ОГПУ А. Артузову о вредительстве в “Добролете” – организации, занимавшейся созданием отечественного самолетостроения.

«Старания» М. Д. Бонч-Бруевича не пропадали даром. По факту сообщений возбуждались дела и начиналось расследование. Репрессированный по делу “Весна” сотрудник Топографического управления бывший полковник А. Д. Тарановский на допросе рассказал, что в 1923 году в его организации было проведено две чистки, в результате чего множество сотрудников было уволено, а некоторые – арестованы. (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 187, дело Тарановского А. Д., с. 22). И первые составы Топографического управления разогнали именно из-за недостатка карт на Западной границе...

В 1931-м на допросах к Бонч-Бруевичу не применялось никаких мер физического или морального воздействия. Может быть, из-за брата, а может потому, что его сын Константин сам был уполномоченным ОГПУ. Естественно, что участия в каких-либо организациях Михаил Дмитриевич не признал. Зато успел написать несколько доносов на бывшего генерала и командующего Южным фронтом РККА Павла Павловича Сытина, которого обвинил в руководстве контрреволюционным

офицерским заговором в СССР. (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 188, дело Бонч-Бруевича М. Д., с. 84–89.)

В конце концов 17 мая 1931 года М. Д. Бонч-Бруевича выпустили из тюрьмы, а его дело “за отсутствием состава преступления” было прекращено.

В своих воспоминаниях “Вся власть Советам”, первый и единственный раз изданных в 1958 году, Михаил Дмитриевич косвенно пытался отвергнуть свою “вторую профессию”: “...мое поколение воспитывалось иначе, и гимназическое “не фискаль”, запрещающее жаловаться классному начальнику на обидевшего тебя товарища, жило в каждом из нас до глубокой старости”. (Бонч-Бруевич М. Д. “Вся власть Советам”. – М., 1958. – С. 317.)

Стоит отметить, что вся книга воспоминаний Бонч-Бруевича во многом субъективна. Михаил Дмитриевич недобрительно написал о многих из своих сослуживцев и сотрудников. Досталось и его преемнику – главкому РККА И. И. Вацетису. Со слов Михаила Дмитриевича выходит, что это – типичный враг народа, справедливо расстрелянный в 1938 году. Что и говорить, на какой-то десяток лет Бонч-Бруевич опоздал со своей книгой: воспоминания он закончил писать в мае 1956 года, а Вацетис был реабилитирован в марте 1957-го...

* * *

Итак, 2 сентября 1918 года на только что учрежденную должность главнокомандующего РККА был назначен бывший полковник Генерального штаба Иоаким Иоакимович Вацетис – по национальности латыш, с социалистическим уклоном. Должность главкома возникла одновременно с созданием Революционного военного совета республики (РВСР), и главком входил в него в качестве одного из членов. Судя по всему, Вацетис не был ярким сторонником большевизма, поскольку никогда не был членом ВКП(б) и даже не пытался подавать заявлений о вступлении в партию.

До назначения на пост командарма Вацетис успел прославиться как решительный командир “Латышской гвардии Ленина” – дивизии, сформированной еще в Первую мировую войну из латышей. Во главе с Вацетисом дивизия ликвидировала левозэровское восстание в Москве, за что и получила упомянутое громкое наименование. Затем Иоаким Иоакимович отличился, недолго командуя Восточным фронтом, после чего получил назначение на пост главкома.

Ревниво относившийся к И. И. Вацетису Бонч-Бруевич вспоминал: “Я не ладил с ним ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего Военного Совета. К тому же я был значительно старше его по службе. В то время, когда я в чине полковника преподавал тактику в Академии генерального штаба, поручик Вацетис был только слушателем и притом мало успевавшим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем положении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны – одним из пехотных полков”. (Бонч-Бруевич М. Д. Цит. издание, с. 334–335.)

В 1931 году Вацетис не арестовывался: он был замкнутым человеком и от бывших военспецов держался на расстоянии. Но в материалах дела «Весна» встретилось несколько малоизвестных, уникальных фактов из жизни Вацетиса, которые меняют наше представление об этом человеке.

На посту главкома Вацетис оставался чуть меньше года, и 8 июля 1919 года был заменен другим военачальником. Об этом в автобиографии Иоаким Иоакимович написал достаточно сухо и кратко: “8-го июля 1919 года я был освобожден от должности главкома и назначен в распоряжение РВСР преподавателем военной истории в Военной Академии РККА и председателем комиссии по рассмотрению вопросов, связанных с переходом к милиционной системе”. (Деятели СССР и Октябрьской революции, автобиографии. – М., 1989. – С. 73.) Неужели вот так

просто во время поражения красных на Южном фронте Вацетиса отпустили восвояси?

Оказалось – ничего подобного. 25 июня 1919 года главкома арестовали, обвинив в руководстве, повлекшим поражение РККА... (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 79, дело Барановского В. Л., показания Григорьева Ю. И., с. 248) При этом вместе с Вацетисом были арестованы начальник Полевого штаба бывший генерал Ф. В. Костяев и большая часть их сотрудников. Всем им “клеили” предательство. Некоторым из заключенных военспецов все же не повезло: их таки сделали крайними в поражении красных на Юге, а Иоаким Иоахимович отделался “легким испугом”: отсидел в тюрьме восемь месяцев и в конце концов был освобожден. Но на командные должности его больше не допустили.

До самого конца Вацетис оставался профессором Военной академии имени Фрунзе, хоть в 1935 году ему и было присвоено звание командарма 2 ранга. Но под подозрением он оставался вплоть до ареста 29 ноября 1937 года. Иоаким Иоахимович продолжал поддерживать связи со многими бывшими офицерами Латышской дивизии. Это его и подвело. С начала 1920-х годов из-за границы, от советской агентуры, начали поступать сведения о ненадежности Вацетиса. Так, живший в Эстонии английский разведчик Жидков передал в 1925 году своему начальству сообщение, перехваченное ОГПУ: *“По имеющимся у меня сведениям из солидного источника – вполне пригодны для обработки в желательном для Вас духе (партийном) Тухачевский и Вацетис. Особенно последний, к нему есть подходы”*. (Военные архивы России. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 93.) Так бывшего второго главкома вновь взяли под подозрение.

В отличие от Бонч-Бруевича, Вацетис был достаточно порядочным человеком, по крайней мере, по отношению к “своим”. В 1931 году родственники некоторых арестованных военспецов обращались к Вацетису с просьбой написать поручительства. И он такие письма писал, зная, что ручается за потенциальных “врагов народа” и может сам попасть на их место! (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 245(184), с. 66, дело Афанасьева В. А.) Впрочем, избежав большевистской пули в 1919-м и 1931-м, Иоаким Иоахимович не избежал ее в 1938-м. Командарма 2-го ранга Вацетиса расстреляли 28 июля 1938 года.

* * *

Сергей Сергеевич – в русской армии это было не просто имя и отчество талантливого полковника Генерального штаба, но и “официальное” прозвище. И когда Сергей Сергеевич Каменев был назначен главнокомандующим РККА (как оказалось, последним красным главкомом времен гражданской войны), его коллеги по другую сторону баррикад были нескрывая удивлены. До революции полковник Каменев был необычайно скромным, усидчивым, вдумчивым и серьезным офицером. За свою чрезмерную серьезность, а также за слишком “пожилую” внешность Каменев и заслужил пожизненное обращение по имени и отчеству.

Путь С. С. Каменева в РККА – типичный путь любого военспеца: гибель старой армии, ненависть к большевикам и необходимость защищать Родину, поступление на службу “с оговорками” не использовать на внутреннем фронте... Ну а дальше... Кто ж вас спрашивал, Сергей Сергеевич, хотите вы драться с белыми или не хотите, поставили перед фактом – и все.

Поступив на службу к красным в начале 1918 года, Каменев искренне надеялся, что в борьбе против белых обойдутся и без него. Но вот в сентябре он был назначен на место ушедшего на должность главкома И. И. Вацетиса – командующего Восточным фронтом. В советской литературе встречаются разные версии того, как Сергей Сергеевич поехал в Сибирь командовать фронтом (см. например: Быстров В. Сергей Сергеевич Каменев // Советские полководцы и

военачальники. – ЖЗЛ – М., 1988.) Но все они связаны с назначением Каменева на эту должность. Однако бывший начальник Всероглавштаба генерал А. А. Свечин, арестованный в 1931 году, в показаниях отобразил совершенно другую картину этого назначения: *“В 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне, как к Начальнику Всероссийского Главного штаба поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я остановился на выборе С. С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба 1 армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта выдвинулся как дельный руководитель Невельского участка. К этому времени С. С. Каменев являлся моим преемником по руководству Смоленским участком, где он также проявлял полную согласованность с требованиями его комиссаров. С. С. Каменев теснил некоторых сотрудников, доставшихся ему от меня в наследство. В частности – начальника штаба Де-Лазари. В то время все офицеры старой армии, поступившие на службу в Красную Армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с гражданской войной (даже печатание топографических карт районов гражданского фронта считалось предосудительным).*

Под этим настроением С. С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду, вызванную происками Де-Лазари около меня. Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и Склянскому на меня. С моим объяснением Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной Каменев помирился лишь года через 3–4, а Де-Лазари остался с ним во вражде и по сейчас”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 66, дело Свечина А. А., с. 31–32.)

Вот такое получилось у Сергея Сергеевича “добровольное” назначение на должность командующего фронтом. Ну а дальше выбора не было. Приходилось работать не за страх, а за совесть – белые бы в случае прихода к власти такой измены не простили. Поэтому на Восточном фронте Каменев и дрался, как лев; поэтому 8 июля 1919 года и был назначен главнокомандующим РККА.

На Восточном фронте и в штабе РККА большевики об Каменева “вытирали ноги” – об этом свидетельствовали многие офицеры, перешедшие к белым, а также те, кто был осужден по делу «Весна». Его использовали только по прямому назначению, – все остальное для советской власти не играло роли. По рассказам на допросах бывших военспецов, нам рисуется совершенно другой человек, не такой, каким был Сергей Сергеевич до революции, – затравленный, шарахающийся от комиссаров, без собственного “Я”. Да, Каменев выиграл гражданскую войну, но навсегда потерял свободу.

24 апреля 1924 года, с окончательным прекращением боевых действий, должность главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики была упразднена. С. С. Каменев был назначен членом РВС СССР, затем недолгое время (до ноября 1925 года) занимал должность начальника штаба РККА. В 1925–1927 годах Сергей Сергеевич был главным инспектором РККА, а в 1927-м получил назначение на должность заместителя председателя РВС и заместителя наркома по военным и морским делам СССР. С 1934 года Каменев руководил управлением ПВО РККА, избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. В 1930 году Сергей Сергеевич вступил в партию, и в то же время были арестованы многие сослуживцы бывшего главкома.

В показаниях военспецов, арестованных по делу «Весна», С. С. Каменев предстает привидением, безгласным и бесправным “советчиком” по военным

вопросам, потрепанным и изорванным знаменем оставшихся с большевиками генералов и офицеров. Один из сотрудников Сергея Сергеевича – бывший полковник А. В. Афанасьев в 1931 году на допросе рассказал, что Каменев всегда пресмыкался пред большевиками, а когда его вызывал “на ковер” нарком Ворошилов, шел к нему “*трусящей и боязливо-угоднической походкой*”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 189, дело Афанасьева А. В., с. 41.)

Если верить признаниям арестованных военспецов, это уже не был «дореволюционный» Сергей Сергеевич, а послушный винтик. В эмиграции же, несмотря на поражение белых, организованное Каменевым, о нем продолжали вспоминать с теплотой. Редактор журнала “Белый Архив” полковник Генерального штаба Я. И. Лисовой в 1926 году писал: “*И все-таки, мой милый красный главковерх, встречая вашу фамилию в советских газетах, я не хотел верить, что это именно вы; читая советские кандидатские списки я, вопреки голым фактам, им все-таки не верил – память, вопреки действительности, упорно отпечатывала ваш прежний образ...*

Теперь сомнений нет – вы “главковерх красной рабоче-крестьянской армии”, вы – тот главный инженер, которой у сложной военной машины заменил Троцкого.

Что же вы будете делать теперь?

Пусть ли вы машину снова в ход, призвав на помощь весь свой мобилизационный, оперативный и боевой опыт и знание, или же, мобилизовав остатки чести, совести, стыда, чувства долга и всего того, что, я верю, еще есть у вас и что вы не успели растратить в этом царстве всеобщей купли и продажи, Вы выдернете какой-нибудь маленький, но главный винтик, ломаете какую-нибудь сложную, но незаметную пружину, – разведете в недоумении руками и заявите вашим совнаркомовцам: “Машина стала окончательно – починить ее уже никак нельзя».

Как хочется верить этому – последнему!..» (Лисовой Я. Революционные генералы // Белый Архив. – Берлин. – Т. 1. – С. 70.)

Какой трагический контраст между “боязливо-угоднической походкой” у “своих” – красных и... “мой милый красный главковерх” “врагов” – белых! Впрочем, нельзя сказать, что все белоэмигранты были настроены по отношению к С. С. Каменеву так же, как редактор «Белого Архива». Встречались и другие мнения, зачастую – весьма негативные.

Единственному советскому биографу Каменева В. Быстрову пришлось косвенно признать, что после гражданской войны победитель белых в СССР был явно не в фаворе. В частности, упоминая о присвоении Каменеву в 1935 году звания командарма 1-го ранга, В. Быстров привел такие слова его жены: «*А непонятно все же, ты же в гражданскую войну руководил теми, кому сейчас маршальские звания присвоили. А тебе вот не присвоили. Почему?»*

Действительно: почему? А может быть, это уже было началом того трагического, что произошло с памятью о С. С. Каменеве после его смерти? (Быстров В. Сергей Сергеевич Каменев // Советские полководцы и военачальники. – ЖЗЛ – М., 1988. – С. 65.)

По делу “Весна” Сергей Сергеевич Каменев не арестовывался. На допросах в ОГПУ многие военспецы, как бы они лично ни относились к главкому, называли его самым авторитетным военным в РККА. Может быть, именно поэтому арестованный в Киеве 7 декабря 1930 года бывший генерал-майор и последний командующий Восточным фронтом В. А. Ольдерогге назвал Каменева руководителем контрреволюционного офицерского заговора.

Как видно из дела Ольдерогге, над ним издевались немилосердно. Чтобы угодить следователю, все свои действия на службе у советской власти – встречи, знакомства, разговоры – арестованный генерал преподносил как подготовку к заговору. Последний раз Ольдерогге виделся с Каменевым всего несколько минут в

1926 или 1927 году. Пустяшный разговор на тему “Как дела?” в показаниях Ольдерогге выглядел так, будто Сергей Сергеевич давал установки к созданию “контрреволюционной офицерской организации”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 35, дело Ольдерогге В. А., с. 128.)

Кроме того, показания на Каменева были выбиты и из других киевлян, знавших его по службе в Киеве до 1912 года. Вполне возможно, что уже тогда, в 1931 году, в ОГПУ готовы были объявить Каменева “главным заговорщиком”, но... почему-то постеснялась. ОГПУ вовремя остановили, хотя, если оно могло себе позволить неоднократно арестовывать военрука Высшего Военного Совета Бонч-Бруевича, и в 1919 году несколько месяцев продержать в тюрьме Вацетиса, то почему оно не могло посадить и Каменева? Так, за компанию...

По всей видимости, в 1931 году Сергея Сергеевича так и не тронули, во всяком случае, у нас нет тому ни одного подтверждения. Как известно, один из главных победителей белых умер в 1936 году и был похоронен в Кремлевской стене. Врагом народа его объявили уже посмертно.

Высший Военный Совет

Чтобы военная машина работала без остановок, ей нужны штабы и управления, с хорошо подготовленными и опытными сотрудниками. Создание мозга новой, большевистской армии стало одним из главных заданий Совнаркома. 4 марта 1918 года для стратегического руководства вооруженными силами Республики был создан Высший Военный Совет. Управление Высшего Военного Совета на добровольных началах было сформировано за счет личного состава бывшей Ставки верховного главнокомандующего. 14 мая были созданы организационное и оперативное управления, а 20 июня при преобразовании Высшего Военного Совета возник штаб РККА. В деятельности управления Высшего Военного Совета было немало трудностей. В частности, возникала двойственность в управлении войсками, так как на внутренних фронтах руководство частями осуществлялось оперативным отделом Наркомвоена (Оперодом).

6 сентября 1918 года Высший Военный Совет был упразднен, а его штаб был переименован в Полевой штаб РВСР. Военным руководителем Высшего Военного Совета и штаба официально являлся военрук – Бонч-Бруевич. У военрука дел было невпроворот. Поэтому многие из тех задач, которые были возложены на него, выполнял его помощник, генерал-майор Сергей Георгиевич Лукирский. Последний и стал одним из главных создателей РККА – именно Лукирскому принадлежат проекты формирования новой армии. Почти до конца 1918 года Лукирский оставался фактическим руководителем Высшего Военного Совета, а затем – Полевого штаба.

Но в 1930 году это не помешало ОГПУ арестовать заслуженного старика и допрашивать его с пристрастием до тех пор, пока он не признал свою причастность к контрреволюционной организации офицеров Генерального штаба. На допросах Лукирский рассказывал не только о своем “вредительстве”, но и о “добровольном” вступлении, а также работе в Высшем Военном Совете. Этот весьма любопытный с исторической точки зрения рассказ стоит привести полностью: *“Накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров Генерального штаба старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем: крайняя неудачливость войны; экономический развал страны; внутренние волнения; призывы на высшие посты в государственном аппарате лиц, явно несостоятельных, не заслуживающих общественного доверия; наконец, крайне возмутительное подпадание царя под влияние проходимца (Григ. Распутина) и разрастание интриг*

при дворе и в высших государственных сферах. Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще.

Однако вскоре наступило разочарование и в новой власти в лице временного правительства: волнения в стране даже обострились; ряд мероприятий правительства в сторону армии (в том числе подрывающие простых офицеров) быстро ее развалили; личность А. Керенского не возбуждала доверия и породила антипатию.

В силу этого возникла короткая симпатия в сторону Корнилова, в лице которого увидели возможность спасти армию от окончательного развала, а вместе с тем, может быть, и внести успокоение страны.

Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имеющую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный: решение должно было быть безотлагательным и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало.

Поэтому крупнейшая часть офицерства перешла к сотрудничеству с большевиками, хотя и не уясняла еще в полной мере программу коммунистической партии и ее идеологию. Патриотизм являлся одним из крупных побуждений к продолжению работы на своих местах и при этой новой власти.

Уход другой части офицерства на враждебную большевикам сторону естественно поставил оставшихся с большевиками в неприязненные с белогвардейцами отношения, еще и потому, что порождал среди большевиков недоверие и к оставшимся с ними, а при победе белых грозил мстью белогвардейцев.

Кроме того, победа белогвардейцев несла с собою вторжение иноземцев, деление России на части и угрожала закабалением нашей страны иностранцами. На стороне белогвардейцев не видели и базы, обеспечивающей им симпатии народных масс.

Поэтому нашей группой офицерства это выступление белогвардейцев осуждалось с большим раздражением.

В противовес замыслу белогвардейцев и беспочвенному их начинанию зарождалась мысль о том, что при наличии добровольческой армии, крепко сплоченной и руководимой старым офицерством, возможно будет скорейшее и вернейшее спасение страны от внешнего врага.

В связи с такой мыслью, мною на должности моей Помнаштаверха была составлена в январе 1918 года по приказанию Наштаверха М. Д. Бонч-Бруевича для представления главноверху Н. В. Крыленко докладная записка с изложением основ формирования именно такой армии вместо стихийно распадающейся старой армии. Эти основы сводились к следующему: а) большой кадр старых офицеров; б) добровольцы солдаты, так сказать, наемные; в) пополнение в будущем этого кадра путем обязательного призыва на службу из населения.

Этот проект был одним из первых моментов, который отражал нашу идеологию и проведение которого могло закрепить руководство армией на путях возрождения России за старым офицерством". (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 65, дело Лукирского С. Г., с. 39–42.)

В последующем на основании трех перечисленных выше пунктов проекта Лукирского началось формирование Красной Армии. Кроме всего прочего, Сергей Георгиевич занимался вопросами создания "завесы" на западных рубежах, вместе с военным инженером, бывшим генералом Величко разрабатывал план обороны от немцев Петрограда. Несмотря на все это, Лукирский не был большим поклонником Советской власти. Он долгое время настойчиво пытался отговорить большевиков

давать армии название “Красной”, поскольку это отпугивало от нее офицеров. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 67, дело Бесядовского К. И., с. 52.)

К чести Сергея Георгиевича нужно отметить, что уже в начале 1919 года он отказался от активного участия в гражданской войне, перейдя на преподавательскую работу. Но на “антисоветские” темы Лукирский продолжал общаться и в последующие годы. Под «антисоветскими» темами подразумевался, естественно, не открытый заговор против Советской власти, а обычные обывательские пересуды, вызванные недовольством условиями жизни. Собственно, в 1931 году это и стало причиной награждения доблестного создателя РККА пятью годами исправительно-трудовых работ, а в 1938-м – расстрелом.

Арестованные по делу «Весна» командиры Высшего Военного Совета, а затем Полевого штаба, в показаниях выглядели как люди, которые не были едины взглядах на большевиков, и, будто бы, тоже грешили лишней болтливостью. Одни лишь “отбывали номер”, критиковали Советскую власть и радовались успехам белых; другие молча работали – кто-то из них боялся большевиков, ну а кто-то и поверил в коммунизм...

Самым непримиримым к большевикам считался бывший генерал-майор В. Г. Серебрянников, занимавшийся налаживанием военных сообщений на различных фронтах гражданской войны. Он был вынужден работать на большевиков лишь только потому, что очень боялся за свою многочисленную семью. При аресте в 1930 году в анкете задержанного в графе “политические убеждения” Серебрянников написал просто и ясно: “*монархических убеждений*”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 168, дело Серебрянникова В. Г., с. 14.) Стоит обмолвиться, что анкета задержанного заполнялась в течение получаса-часа после ареста, когда никакого давления следствия еще не было и в помине. Следовательно, запись, появившаяся в анкете Серебрянникова, была сделана абсолютно сознательно.

Служивший в Полевом штабе бывший подполковник Генерального штаба А. В. Афанасьев на первом же допросе в 1931 году тоже сразу высказал свое негативное отношение к большевикам: “*По своим политическим убеждениям я являюсь монархистом-конституционалистом. Глубоко религиозный, верующий человек. Будучи воспитанным в условиях царского правительства, традиций буржуазного общества, дисциплины старой армии, закреплённой в стенах академии генерального штаба, я, естественно, встретил Октябрьский переворот явно враждебно. Мне были не только непонятны происходящие события, но я резко осуждал их*”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 189, дело Афанасьева А. В., с.8.) По признаниям многих коллег, Афанасьев действительно был чрезвычайно набожным человеком. Кроме того, первый допрос в ОГПУ, как правило, проходил без всякого давления. На нем арестованный мог сказать лишь то, что считал нужным. В случае необходимости так называемые незаконные методы следствия применялись лишь на следующих допросах, но никак не на первом. Таким образом, сомневаться в словах Афанасьева, сказанных на первом же допросе, не приходится.

По свидетельству сотрудника Полевого штаба К. И. Бесядовского, к советской власти так же негативно относились такие его коллеги: генералы Генерального штаба Мыслицкий Н. Г., Сегеркранц С. К., Савченко С. Н., Афанасьев В. А. (“убежденный монархист”), Иван Бармин, а также армейский генерал-майор Белоручев; полковники-генштабисты Александр Бармин, Белой (“*большой трус... при колебаниях на фронте только и говорил, как и чем себя спасти, если победят белые, как перед ними оправдаться*”), Иванов К. В. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 67, дело Бесядовского К. И., с. 38–42.) Конечно же, насколько достоверны слова Бесядовского, неизвестно, но, думается, принять их во внимание все же стоит.

Интересно, что из перечисленных Бесядовским военных многие также арестовывались по делу “Весна”, но... задолго до него. Вместе с Бесядовским за

участие в контрреволюционной офицерской организации в 1931 году были осуждены Сегеркранц С. К. и Афанасьев В. А. За несколько лет до того за что-то посадили полковника Иванова. Также задерживались и братья Бармины. Лишь втершийся в свое время в доверие к Склянскому Мыслицкий, а также перешедшие на большевистские позиции Савченко и Белой в 1931 году избежали ареста.

Стоит отметить, что лояльные к советской власти военспецы из числа сотрудников Полевого штаба в 1931 году не арестовывались. Это генералы Генерального штаба Загю М. М., Волков С. М., Михайлов В. И., Ушаков К. М., полковники Генерального штаба Далер В. В., Шапошников Б. М. Впрочем, нельзя сказать, что они работали на большевиков только исходя из своих политических симпатий. Скорее всего, тут еще присутствовал страх за себя и за близких, серьезные моральные переживания. Это и немудрено. Уже неоднократно упоминавшийся К. И. Бесядовский так охарактеризовал настроения, царившие в Совете, а также свою позицию, весьма красноречивую, но не являющуюся преступлением: *“Надо сказать, что поступление в Высший Военный Совет на службу “к большевикам” было сделано не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров, которые тогда на службу призваны не были и не считали возможным служить, отворачивались от нас – добровольцев. Я же считаю, что в создавшейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем и потому стал на работу. Период гражданской войны внутренне я переживал нелегко: с одной стороны, я понимал необходимость этой серии “претендентов” из белогвардейских главарей, а с другой – тяжело было сознавать, что врагами нашими являются люди, которые еще недавно были нашей, близкой нам средой. Но я ломал себя и работал”*. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 67, дело Бесядовского К. И., с. 10–11.)

Всероссийский Главный штаб

8 мая 1918 года по приказу Народного комиссариата по военным делам был создан еще один важный центральный орган управления РККА – Всероссийский Главный штаб. В отличие от Высшего Военного Совета, занимавшегося оперативными вопросами ведения войны, Всероглавштаб ведал вопросами формирования, комплектования и обучения армии.

Первым начальником Всероглавштаба стал бывший генерал-лейтенант Н. Н. Стогов, который по совместительству якобы руководил... подпольной Добровольческой армией Московского района. Естественно, при Стогове почти никакая работа не велась. Сначала он был снят с должности начальника Всероглавштаба, а затем и арестован за мнимое руководство подпольной организацией. (Красная книга ВЧК. – М., 1989. – Т. 2, именной указатель.) Но на этом история Стогова не закончилась. Выпущенный из тюрьмы в начале осени 1919 года, генерал с большим риском перешел линию фронта и бежал к белым. (Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. – М., 1997. – С. 231.)

Таким же “предателем революционного дела” оказался и бывший начальник Главного штаба генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский, при большевиках занимавший должность начальника Главного управления кадров Всероглавштаба. Пользуясь служебным положением, А. П. Архангельский помогал бывшим офицерам, спасал их от преследования ЧК и даже способствовал переходу к белым. Кроме того, бывший генерал, *“пользуясь незнанием большевиками техники штабной работы и формирования армии, способствовал их затруднениям в*

формировании” (Кручинин А. Генерал-лейтенант А. П. Архангельский // Военная Быль. – М., 1995. – № 6(135). – С. 34.)

История с генералом Архангельским закончилась тем, что 15 сентября 1918 года он вышел в отставку, а затем выехал на оккупированную немцами Украину, откуда перебрался в стан белых. Вот что вспоминал о последнем разговоре с Архангельским Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич: *“Нетерпеливо выслушав длинную мою тираду, Архангельский начал жаловаться, что все рушится и потому работать все равно нельзя.*

– Я в Крым поеду, к семье. А уж всеми этими, – показал он на входивших в комнату партийных руководителей ВВС, – я сыт по горло...

Я пробовал доказать Архангельскому, что былых штабных условий все равно не создашь, а работать надо в любых, именно для того, чтобы все не распалось.

Архангельский шипел и продолжал шепотом твердить, что все равно бросит все и уедет”. (Бонч-Бруевич М. Д. Цит. издание, с. 289.)

В своих воспоминаниях М. Д. Бонч-Бруевич не без злорадства сделал одну забавную дописку по поводу Архангельского: *“Вероятно, он не только не нашел того, что искал, но не раз еще горько каялся в своем опрометчивом поступке...”* Бонч-Бруевич не мог не знать, что в 1938–1955 годах Алексей Петрович Архангельский возглавлял Российский Общевоинский Союз (РОВС) – организацию, объединявшую всю белую эмиграцию.

2 августа 1918 года вместо снятого Львом Троцким Стогова начальником Всероглаштаба был назначен видный военачальник, бывший генерал-майор Александр Андреевич Свечин. Новый начальник по своим убеждениям тоже не симпатизировал большевикам, о чем в своих воспоминаниях указывал даже А. И. Деникин. Служить советской власти его заставила угроза немецкого нашествия. Свечин никогда не скрывал своих взглядов, за что неоднократно арестовывался. И когда в 1931-м за ним в очередной раз пришли сотрудники ОГПУ, подробно рассказал о своем невеселом пути в РККА: *“После Февральской революции 1917 года, я состоя в должности начальника штаба 5-й армии, вел самую энергичную работу с большевиками. Как характеристика моих тогдашних настроений может служить дважды приглашение меня генералом Корниловым на роль своего Начальника Штаба 8-й армии и на должность 2-го генерал-квартирмейстера, когда он был назначен на должность Главковерха. По случайным причинам я отказался оба раза. Выступление большевиков 4 июля 1917 года в Ленинграде было парализовано, главным образом, вследствие известий о движении 2 1/2 подготовленных мною дивизий из Двинска на Ленинград. Я был отчислен 3 октября 1917 года от должности Наштарма 5 за слишком правое направление, которое получала 5 армия. Октябрьскую революцию я встретил враждебно. После того, как генерал Черемисов объявил о своем нейтралитете, я отправился в Псков с целью ареста Черемисова и занятия его поста командующего фронта. После неудачных переговоров с меньшевиками, которые предложили отсрочить мое предприятие, я отказался от активных действий и в качестве частного лица проживал в Ленинграде.*

Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги Советской власти. Вскоре я получил назначение главным военным руководителем Смоленской районной завесы. В этой роли я отдался целиком делу, питаемый своими националистическими настроениями и готовясь к продолжению войны с Германией. С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне как к бывшему генералу, отчего возникало известное расползание в сознании бесплодности моих усилий.

Я по-прежнему считал экономическую программу, выдвинутую Октябрем, практически неосуществимой и полагал, что естественная эволюция приведет к

коренному ее изменению, причем военно-насильственные акты могут задержать и помешать этому процессу.

С этими настроениями я приехал в том же 1918 году, в августе месяце, на должность начальника Всероглавиштаба, на место уволенного по контрреволюционности б. генерал-лейтенанта Стогова. Для выявления политического настроения оставшихся во Всероглавиштабе б. офицеров я, с ведома комиссара Дзевалтовского (тоже быв. гвардейского офицера, позднее бежавшего в Польшу) организовал собрание, на котором присутствовали: П. П. Лебедев, Мочульский (позднее расстрелян), и все другие находившиеся во Всероглавиштабе офицеры. Твердое выступление П. П. Лебедева в защиту Соввласти не встретило явной поддержки со стороны других, собрание разошлось, стремясь скрыть свое политическое лицо под маской защитной лояльности. Большинство того времени отстаивало точку зрения, что задача Всероглавиштаба – создание большой армии, предназначенной для внешней войны, и что участие в гражданской войне является для него менее приемлемым, что создан для этого параллельный орган оперод – Наркомвоен...

...при выполнении должности Начальника Всероссийского Главного штаба, питавшего красноармейским и командным составом фронта гражданской войны и являвшегося активным ее участником, я оказался банкротом. Аппарат штаба разболтался; одним словом, авторитетом подтянуть его я не мог; нужно было показать власть, быть готовым карать. У меня был следующий разговор со Стоговым, моим предшественником по должности Нач. Вс. Главного Штаба, о котором меня предупреждал Троцкий, и который находился под наблюдением (вскоре арестован). Увидев его, я спросил: “а вы все бунтуете”. Он ответил: “нет, всякое вооруженное восстание теперь не стоит в порядке дня; надо ориентироваться и получать хорошую информацию”. Это происходило в конце октября или начале ноября 1918 года, за несколько дней до его ареста. Я заподозрил Стогова в шпионаже, но при тогдашнем состоянии моего сознания для меня не являлось возможным сообщать о своих подозрениях в ЧК. Я понял, что нахожусь на скользком пути, и тремя настойчивыми телеграммами просил Троцкого моего смещения на второстепенную неактивную работу, что и было уважено”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 66, дело Свечина А. А., сс. 10–12; 53–60.)

С 11 октября 1918 года и почти до конца гражданской войны Всероглавиштаб возглавлял бывший генерал-майор Николай Иосифович Раттэль. Этот человек наравне с Бонч-Бруевичем, Лукирским и Вацетисом стал главным строителем РККА. На своих плечах он вытянул создание военных школ, сколачивание и обучение стрелковых дивизий, пополнение армии бывшими офицерами. И как же Советская власть отблагодарила этого человека? Уже в конце 1920 года Н. И. Раттэль был удален со всех ответственных должностей и назначен в распоряжение главкома, а в 1925-м вообще уволен из РККА. После этого Николай Иосифович работал на мелких хозяйственных должностях.

13 марта 1930 года бывшего начальника Всероглавиштаба Николая Иосифовича Раттэля арестовали по обвинению в связях с заграничной антисоветской организацией. Бывший генерал всего лишь переписывался со своими родственниками. Разумеется, следователи стремились инкриминировать Раттэлю контрреволюционную деятельность. Однако Николай Иосифович ни в чем не признался, и его пришлось отпустить восвояси. Впрочем, бывшего генерала обязали писать доносы на своих коллег. (Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. – М., 1998. – с. 175.) После ареста заслуженный советский военачальник оказался безработным. Пришлось устроиться... заведующим технической библиотекой в институте «Гипроцветметобработка». Да уж, достойная карьера для бывшего начальника Всероглавиштаба!

Но и там Раттэлю не дали жить спокойно. В 1938 году он был вновь арестован и обвинен в причастности к офицерской диверсионно-террористической организации. Между прочим, одним из второстепенных обвинений бывшего генерала было то, что он, будучи завербован в 1930-м, “формально относился к работе и никаких серьезных дел не делал”. К чести Раттэля стоит отметить,

что в предъявленном обвинении он так и не признался. Но эта “формальность” НКВД особо и не требовалась. Заслуженный военачальник был расстрелян и без признания 2 марта 1939 года. (Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. – М., 1998. – С. 174–175, 491.)

Во время следствия лица, арестованные по делу «Весна», говорили, что во Всероглавштабе, как и в Высшем Военном Совете, тоже были свои трения и разногласия. В ведении этого органа находились мобилизация и распределение бывших офицеров, поэтому военспецы Всероглавштаб не жаловали. Больше всего нареканий, конечно же, доставалось бывшему полковнику Сергею Дмитриевичу Харламову, ведавшему назначениями и перемещениями всех генералов и офицеров Генерального штаба. Командарм 7, участник обороны красного Петрограда от войск Юденича, он тоже был арестован по делу “Весна”.

Обладая блестящей памятью, Харламов поведал в ОГПУ о некоторых особенностях работы во Всероглавштабе: *“В первых числах мая я был назначен начальником отделения во Всероссийский Главный штаб. Принял я это назначение с известным самодовольством: с началом стихийной демобилизации солдат с фронта во время войны мне представлялась такая большая страна, как старая Россия, <которая> должна развалиться и быть окончательно побежденной немцами. Мне представлялось, что все погибло...*

С началом же проявления твердой руки пролетарского управления, с началом создания своей новой Красной Армии (где и мне, грешному, будет отведено хоть какое-нибудь место), я увидел, что Октябрьская революция не только разрушает, но она и создает что-то, причем это что-то имеет свои политические плюсы. Тут уже пробудилась и патриотическая нотка – хорошо сделал, что пошел служить, что никуда не дезертировал...

...Я ведал отделением службы Генерального штаба. В начале 19 года у нас была потребность в командном составе на двух фронтах – Восточном и Южном. Приходилось чуть не ежедневно через посредство милиции выуживать генштабистов для пополнения фронтов. Учета их не было. В начале приходилось просто по памяти, что где-то в Москве встретил, или по далеко не полным сведениям, полученным из милиции, делать выборки. Это, конечно, не нравилось им (генштабистам. — Я. Т.), и я получил звание “гицеля” (ловитель бродячих собак).

По мере организации на местах военкоматов ко мне начинали поступать учетные сведения на лиц, окончивших академию, и я приступил к составлению и печатанию списка Генерального штаба...

...Большинство сотрудников Оперативного отдела Всероссийского Главного штаба обедало в столовой на углу Тверской и Леонтьевского. Обедал там и Кузнецов (С. А., генерал-майор, начальник оперативного управления, расстрелян в 1920 году. — Я. Т.). За обедом часто шли разговоры о трудностях службы, шла критика начальства, Советской власти, не заботящейся о желудках сотрудников. Были часто споры. В этих разговорах принимал почти всегда участие Кузнецов, подавал реплики. Любил поязвить Лебедев (П.П., генерал-майор, в то время – начальник мобилизационного отдела. — Я. Т.). Нашептывать любил Левицкий (В. И., генерал-майор, сотрудник Всероглавштаба. — Я. Т.). Так как говорить громко все же было нельзя, то обычно ограничивались репликами”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 172, дело Харламова С. Д., с. 13–15.)

Неоднократно во Всероглавштабе происходили серьезные потрясения. Дважды арестовывались его сотрудники: летом 1919-го из-за поражений на Южном фронте и в связи с разоблачением генерала Н. Н. Стогова, и осенью 1920-го – за неудачи в Польше. Постоянное ожидание ареста, конечно же, не способствовало взаимопониманию между военспецами и большевиками. Ну а старые обиды многим бывшим генералам и офицерам просто не давали покоя. Поэтому большинство сотрудников Всероглавштаба советскую власть только терпели. Как сказал об этом

на допросах С. Д. Харламов: *“Поскольку Февральская революция казалась нам завершающим этапом демократии, Октябрьскую революцию мы просто не приняли”*.

***“Комиссар – есть дуло пистолета,
приставленное к виску командира”***

«Немцы! Немцы! Немцы!» – в феврале 1918-го эта мысль не давала покоя подавляющему большинству бывших генералов и офицеров. Обостренное чувство угрозы независимости Родине затмило ненависть и отвращение к большевикам. Униженные и затравленные кадровые военные медленно потянулись к Бонч-Бруевичу. Вот что он вспоминал о настроениях первого волонтера – бывшего генерал-лейтенанта Дмитрия Дмитриевича Парского, в 1921 году умершего от тифа в Петрограде: *“Михаил Дмитриевич, – начал он, едва оказавшись на пороге, – я мучительно и долго размышлял о том, вправе или не вправе сидеть сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далек от социализма, который проповедают ваши большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чертом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления...”* (Бонч-Бруевич М. Д. Цит. Издание. – С. 257–258.) Хотя в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич и был не вполне искренен, но история с поступлением Д. Д. Парского на службу в РККА представляется весьма правдоподобной.

В условиях угрозы захвата страны немцами многие генералы и офицеры, несмотря на ненависть к большевикам, вынуждены были для защиты своей Родины поступить к ним на службу. Насколько этот шаг был добровольным, можно судить по ряду признаний бывших крупных советских военачальников, арестованных по делу “Весна”.

Для защиты западных рубежей страны из остатков русской армии и красногвардейских отрядов быстро создавалась так называемая «завеса» – система оперативных отрядов, располагавшихся вдоль демаркационной линии. Участки «завесы» в последующем должны были развернуться в дивизии возникшей в то время Красной Армии. Естественно, подавляющее большинство военных стремилось выговорить у советской власти особые условия: использовать только в частях «завесы» против врагов внешних, но не назначать в войска, воюющие с белыми. На этот счет большевики имели собственное мнение и тактику. Как правило, они соглашались на условия вступавших военспецов, а затем, не считаясь с их желаниями, отправляли на службу туда, куда было выгодно советской власти. Естественно, с военспецами особо не церемонились: к ним приставляли комиссаров, а их семьи брались в заложники.

Для внедрения в жизнь института заложников и комиссарского дула у виска военспецов, большевиками была разработана мощная юридическая база.

Во-первых, по этому вопросу было принято постановление V Всероссийского съезда советов: *“Для создания централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии необходимо широкое использование опыта и знаний многочисленных военных специалистов из числа офицеров бывшей армии. Они все должны быть взяты на учет и обязаны становиться на те посты, какие им укажет Советская власть. Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочнением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение Рабочей и Крестьянской Армии и на поддержку Советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью”*. (Постановление V

Всероссийского съезда советов от 10.07.1918 // Из истории гражданской войны в СССР, сб. док. – М., 1961. – Т. 1. – С. 140–141.)

Во-вторых, от своих губернских партийных организаций все без исключения отправляемые на фронт комиссары получили поручение зорко следить за подопечными офицерами. Вот, например, какую резолюцию приняла Новгородская губернская конференция РКП(б): *“Всех товарищей коммунистов, занимающих какую-либо должность в Красной Армии, губернская конференция обязывает наблюдать самым строгим образом за действиями служащего из-за личных интересов командного состава, имея в виду то, что это бывшие офицеры, в большинстве своем готовые продать в любой момент интересы революции и изменить пролетарскому правительству”*. (Из резолюции Новгородской губернской конференции РКП(б), 19.06.1918 // Из истории гражданской войны в СССР, сб. док. – М., 1961. – Т. 1. – С. 135.)

Наконец, в-третьих, председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий издал соответствующий приказ о контроле за военспецами и их семьями. К сожалению, до сих пор не опубликован этот приказ по первоисточнику, а потому процитируем его уже в интерпретации штаба Орловского военного округа, часть документов которого была захвачена белыми во время их летнего наступления 1919 года: *“По приказанию Председателя Революционного Военного Совета товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку – его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи.*

Во исполнение сего приказа прошу немедленно отобрать требуемые расписки от бывших офицеров и чиновников по прилагаемой форме и доставить с нарочным в Штаб Округа. На всех вновь назначенных лиц и переведенных из других частей надо доставлять немедленно дополнительные списки в трех экземплярах. Необходимо иметь в виду, что вся ответственность за неисполнение приказа Председателя Реввоенсовета Республики всецело падает на начальников соответствующих управлений, учреждений, заведений и частей войск Красной Армии и в случае немедленной неприсылки какой-либо частью или управлением списков, о виновных будет докладываться для привлечения за неисполнение приказа по законам военного времени. Вся начальники обязываются всегда иметь адреса своих подчиненных бывших офицеров и чиновников и их семей.

В случае измены или предательства со стороны кого-либо из этих подчиненных должны быть немедленно приняты меры к аресту членов его семьи, для чего безотлагательно необходимо телеграфировать в Отдел военного контроля (Москву) с указанием должности, сообщая в Штаб Округа и ближайшему органу военного контроля”. (Критский М. Красная армия на Южном фронте // Архив Русской революции. – М., 1993. – Т. 17–18. – С. 270–271.)

Конечно же, бдительный читатель может усомниться в процитированном выше документе, мол, подделали его белогвардейцы. Но в подтверждение практики захвата в заложники семей крупных военспецов мы можем сослаться на... полное собрание сочинений Ленина, где этого вопроса касается не один документ. Первое из подобных предписаний Владимира Ильича, которое удалось отыскать, относится к 8 августа 1918 года и касается создания на севере России 6-й отдельной Красной Армии:

*“Немедленно дать просимое;
сегодня же отправить из Москвы;*

дать мне тотчас имена 6 генералов (бывших) (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят.

М. Д. Бонч-Бруевич должен мне письменно тотчас через самокатчика ответить на это.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин) ”.

(Ленин В. И. Военная переписка. – М., 1956. – С. 58.)

При таких условиях не подчиниться большевикам было сложно, и многие военспецы с западной границы шли на войну со своими вчерашними товарищами, помня, что в тылу, в руках ЧК, остается семья. Как писал в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич: “Таким образом, “завеса” явилась как бы способом привлечения старого офицерства в новую, постепенно формируемую армию. Офицеры и генералы эти и явились теми кадрами, без которых нельзя было сформировать боеспособную армию, даже при том новом и основном факторе, который обусловил победоносный путь Красной Армии, – ее классовом самосознании и идейной направленности”. (Бонч-Бруевич М. Д. Цит. Издание. – С. 273.)

А может, мы сильно стгушаем краски, справедливо спросите вы. Может, и большевики были не такими уж злыми и коварными, да и военспецы, наверное, работали не из-под палки, а по доброй воле. Действительно, в 1918 году, когда перед Россией стояла реальная угроза вражеского нашествия, многие крупные военачальники строили новую Красную Армию не за страх, а за совесть. Но когда созданная ими армия пошла войной против восставших Сибири и Дона, Севера и национальных государств, военспецы поняли свою ошибку и старались любыми способами избежать участия в гражданской войне.

Не верите? Что ж, давайте вместе попробуем проанализировать судьбу создателей участков «завесы» и военных округов в годы гражданской войны:

Объединения РККА	Начальники объединений	Их судьба после 1918 года
Северный участок	военрук генерал ШВАРЦ Алексей Владимирович	в 1918 бежал на Украину, служил у белых, белоэмигрант
	военрук генерал ПАРСКИЙ Дмитрий Павлович	с 1919 занимался научной работой, умер в 1921
	начальник штаба генерал ГЕРУА Борис Владимирович	в конце 1918 бежал в Финляндию, служил у белых, белоэмигрант
	начальник штаба полковник АЛЕКСАНДРОВ Леонид Капитонович	Остался на штабных должностях в РККА
Южный участок	военрук генерал ЧЕРНАВИН Всеволод Владимирович	Остался на командных должностях РККА
	начальник штаба генерал НОСОВИЧ Анатолий Леонидович	в конце 1918 бежал к белым, белоэмигрант
Западный участок	военрук генерал ЕГОРЬЕВ Владимир Николаевич	Остался на командных должностях в РККА
	начальник штаба генерал СВЕЧИН Александр Андреевич	в 1919 отказался от активного участия в гражданской войне, занимался научной работой, арестован по делу “Весна”
	начальник штаба генерал НОВИКОВ Александр Васильевич	в 1919 отказался от активного участия в гражданской войне, занимался научной работой, арестован по делу “Весна”

Объединения РККА	Начальники объединений	Их судьба после 1918 года
Московский район обороны	военрук генерал БАИОВ Константин Константинович	Бежал в Эстонию, белоэмигрант
	начальник штаба генерал СЕМЕНОВ Николай Григорьевич	Остался на командных должностях в РККА
Московский округ	военрук генерал ИОЗЕФОВИЧ Феликс Доминикович	в 1918 ушел в отставку, расстрелян в 1920 или 1921 году
Ярославский округ	военрук генерал ЛИВЕНЦЕВ Николай Денисович	в 1919 бежал к белым
	военрук генерал НОВИЦКИЙ Федор Федорович	Занимал командные должности в РККА, был арестован по делу “Весна”
Орловский округ	военрук генерал ШИРОКОВ Виктор Павлович	Убит в тюрьме в 1919 году (?)
Приволжский округ	военрук генерал НОТБЕК Владимир Владимирович	в 1918 перешел к белым, погиб в составе армий Колчака в 1920 году
Бело-морской округ	военрук генерал ОГОРОДНИКОВ Федор Евлампиевич	Занимал командные должности в РККА
Уральский округ	военрук генерал НАДЕЖНЫЙ Дмитрий Николаевич	Занимал командные должности в РККА, был арестован по делу “Весна”

(Составлено по: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М., 1988. – С. 81, 201; Список лиц с высшим общим военным образованием... в РККА. – М., 1923; Рутич Н. Биографический справочник... – М., 1997; собственным изысканиям.)

Всего на протяжении 1918 года под руководством указанных в таблице военруков на территории трех участков «завесы», Московского района обороны и шести военных округов было создано более 30 стрелковых дивизий РККА, что составляло почти половину советских войск. Все эти дивизии формировались под непосредственным руководством военспецов, надеявшихся, что их руками создается армия для освободительного похода против немцев. Наивные старые царские генералы полагали, что советская власть в конце концов станет более лояльной к инакомыслию, и уж никак не полагали, что их труд будет обращен против “врага внутреннего”. Когда же наконец военспецам стало ясно, какую роль они играют при большевиках, было уже поздно: созданные ими, обученные и вооруженные стрелковые дивизии стали опорой нового государственного строя.

Показательно, что из перечисленных выше 18 крупных военачальников в течение гражданской войны 6 перешли к белым, 2 были расстреляны, 3 отказались от участия в боевых действиях и занялись исключительно научной и преподавательской работой. Причем из последних трех генерал Парский, как упоминалось, умер в 1921 году, а генералы Свечин и Новиков были арестованы по делу “Весна” и дали весьма нелицеприятные характеристики большевизму. Лишь семеро военачальников в 1919 году продолжили службу в РККА на командных и штабных должностях. Впрочем, по всей видимости, и они без особого энтузиазма помогали большевикам. Во всяком случае, двое – Ф. Ф. Новицкий и Д. Н. Надежный – в 1930–1931 годах были арестованы одновременно со своими коллегами за участие в “контрреволюционной офицерской организации”.

Дело Федора Федоровича Новицкого, к сожалению, выявить не удалось. Зато сохранилось следственное дело Дмитрия Николаевича Надежного, давшего весьма интересные показания о своем вступлении в РККА: *“14-го октября я вступил в командование 42 арм. корпусом, т.е. за полторы недели до Октябрьской революции. В день Октябрьской революции я явился в Выборг на соединенное заседание корпусного комитета и выборы Совета Рабочих Депутатов и приветствовал с началом новой настоящей революции. Этот день я и считаю началом своей службы советской власти. Но вот вопрос, с какими ж убеждениями я пришел к ней на службу?”*

Первым моим побуждением было служить истинно народной власти, какой я себе и представляю советскую власть.

В дальнейшем на должности военного руководителя Уральского Военного Округа я ознакомился с программой большевистской партии и хотя, может быть, мне многое казалось неясным в отношении методов и темпов углубления революции, решил честно служить делу революции. Правда, т. Голощекину я тогда высказывал взгляды, что путь эволюции может быть медленнее, но без больших напряжений может привести к тем же результатам, что и революция. В этой ошибке я, однако, убедился, когда стал ясно понимать задачи пролетарской революции.

Были ли у меня колебания и сомнения в правильности моего решения служить советской власти? Конечно, были, но вместе с тем я осуждал тех людей, которые пошли на сторону белых. Я принимал деятельное участие в организации отрядов на Челябинском фронте против чехословаков; удержал штаб округа от развала при эвакуации Екатеринбурга, так как было предоставлено право служащим штаба наравне с рабочими по желанию остаться в Екатеринбурге.

Когда я командовал Северным, а потом Западным фронтами, под влиянием видных партийных работников – членов РВС фронта, я постепенно осознал правильность политической линии партии, но сказать, что я вполне политически возрос, конечно, было бы неверно.

В период командования 7 армией, когда пришлось отражать наступление Юденича на Петроград, я безраздельно жил интересами советской власти и всецело отдался боевой работе”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 74, дело Надежного Д. Н., с. 20–21.)

Что ж, ни на йоту не сомневаемся, что военспец Надежный в 1918-м действительно искренне хотел помочь советской власти. Только вот загвоздка в том, что советская власть не очень-то доверяла бывшему царскому генералу и оценивала его деятельность лишь как временное и вынужденное явление. И уж конечно, это давали понять и самому Надежному.

С сожалением и горечью бывший генерал на допросах рассказывал об обидном недоверии к нему со стороны большевиков: *“Другие, как я, которые по собственной охоте вступили на советскую службу, а также и те, которые были призваны по мобилизации из числа бывших офицеров, или оцупью в условиях новой, строящейся на социальных началах жизни, боясь стукнуться об ее острые углы. А таких углов было немало: 1) Взгляд на нас центрального правительства, как на элемент, который допустимо использовать до поры до времени при организации новой Красной Армии. А отсюда – контроль политаппарата, так или иначе угнетавший самолюбие. 2) Подозрительное, а порой весьма грубое, если не сказать более, обращение политработников к старому комсоставу в период гражданской войны. 3) Недоверие красноармейских масс. 4) Потом наступившая чистка и 5) общий тон как печати, так и литературы – презрительно-пренебрежительный. Во мне лично произвел тяжелый переворот случай с вызовом на Гороховую, 2, по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича,*

основанный только, по словам т. Зиновьева, на том, что я занимал высокую командную должность.

Эти обстоятельства кроме горечи и обид у старого командного состава вызывали стремление поделиться с людьми, одинаково мыслящими и находящимися в одинаковых условиях”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 74, дело Надежного Д. Н., с. 40.)

Вот так: и рад бы военспец Д. Н. Надежный искренне послужить большевикам, да последние этому не рады. Дмитрий Николаевич не один был в таком положении – необоснованным подозрениям и бессмысленным арестам во время гражданской войны подверглись практически все военспецы. Как уж тут станешь сторонником советской власти?!

Стоит отметить, что по сравнению со многими военспецами генерал Надежный даже с такими настроениями считался одним из самых лояльных к советской власти военачальником. Вот, например, что рассказал на допросах о вступлении в РККА и дальнейшей службе его коллега, бывший генерал Николай Павлович Сапожников: *“Я возвращался из Курска после демобилизации своей дивизии через Москву. Зашел во Всероглавштаб, где получил предложение вступить в Красную Армию. Был назначен начальником штаба Московского округа, а пока ездил за семьей, был назначен начальником штаба Орловского округа, тогда пограничного с Украиной.*

Октябрьскую революцию я вначале не понял и не считал ее стабильной, так как видел в то время больше разрушения. Куда придем дальше, для меня было совершенно туманно, поэтому я оставался легальным в отношении выполнения своих обязанностей, выжидая, что будет дальше. Гражданской войне, как войне братоубийственной, вызывавшей разруху, я не сочувствовал, и с нетерпением ждал ее конца. Поэтому фронтную службу до начала белопольской войны я нес без внутреннего удовлетворения (был случай, когда я просил не назначать меня на Северный фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником). В то время по своим политическим взглядам был близок скорее к сторонникам мелкобуржуазной республики, хотя, если бы была конституционная монархия, возможно, что я бы не стал против нее драться. Примерно с такими взглядами я прибыл в Военную Академию в качестве преподавателя”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 60, дело Сапожникова Н. П., с. 6.)

Понять бывшего генерала Николая Павловича Сапожникова несложно: и советская власть ему не мила, да тут еще и ЧК со своими сюрпризами – арестом военного руководителя округа, бывшего генерала В. П. Широкова. Как при этом можно спокойно служить в РККА?

Похожая ситуация наблюдалась и на открытых в 1918 году фронтах гражданской войны. Многие военспецы, назначенные на высокие должности в РККА, по разным причинам отказывались служить большевикам, за что зачастую расплачивались собственной жизнью.

Возникший в июне 1918 года Восточный фронт регулярно содрогался от всевозможных восстаний и переходов на сторону противника военспецов, недовольных советской властью. Чего стоит одно восстание левых эсеров, организованное командующим фронтом, бывшим подполковником М. А. Муравьевым!

Первым примером проявления непокорности большевикам стал бывший подполковник Ф. Е. Махин, 26 июня назначенный на должность командующего 2-й армией и “успешно” ею прокомандовавший всего лишь 7 дней. По бытующей официальной советской версии, он был одним из приспешников Муравьева. Однако вряд ли за несколько дней до начала восстания Муравьева Махин мог быть снят со своей должности. В последующем у белых подполковник с такой фамилией тоже не служил. Куда же он тогда делся? Доподлинно неизвестно.

Восстание Муравьева 10 июля 1918 года дало Восточному фронту еще нескольких изменников: собственно самого Муравьева, командующего 2-й армией бывшего поручика А. И. Харченко и начальника штаба 1-й армией, офицера-интернационалиста Р. Шимунича. В результате Муравьев был убит, а вот с Харченко и Шимуничем ситуация намного сложнее. По официальной советской версии, Харченко перебежал к белым, но что с ним случилось на самом деле – до сих пор загадка. Еще хуже обстоит дело с Шимуничем – о нем вообще ничего не известно.

Тогда же, в июле 1918-го, перешел к белым начальник штаба 3-й армии, бывший подполковник Симонов А. Л. В сентябре его примеру последовал начальник штаба 4-й армии, бывший подполковник Булгаков Владимир Иванович. Интересно отметить, что если переход Симонова на сторону противника советская литература еще признает, то о бегстве Булгакова нет ни единого упоминания. Так же, как и подполковник Булгаков, с Восточного фронта “испарились” командовавший после Ф. Е. Махина и Харченко 2-й армией В. П. Блохин и командарм 4-й армии А. А. Ржевский. Об этих людях, как и о том, куда же они все-таки делись, ничего не известно.

Регулярные предательства на Восточном фронте толкнули большевиков на ужесточение контроля над военспецами. 5 октября 1918 года главнокомандующий РККА И. И. Вацетис разослал по фронтам категорическое распоряжение: *“Приказываем всем штабам армий республики и окружным комиссарам представить по телеграфу в Москву члену революционного военного совета республики Аралову списки всех перебежчиков во вражеский стан лиц командного состава со всеми имеющимися необходимыми сведениями об их семейном положении. Члену Реввоенсовета товарищу Аралову принять по соглашению с соответствующими учреждениями меры по задержанию семейств предателей и о выработанных мерах сообщить революционному военному совету для всеобщего объявления”*. (Критский М. Красная армия на Южном фронте // Архив Русской революции. – М., 1993. – Т. 17–18. – С. 270.)

В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 29 июля 1918 года прямая ответственность за деятельность военспецов вплоть до смертной казни была возложена и на комиссаров: *“Военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом. Такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч., ложатся всей тяжестью на соответственных комиссаров. Над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег или замену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела”*. (Из истории гражданской войны в СССР, сб. док. – М., 1961. – Т. 1. – С. 345.)

Лишь осенью на Восточном фронте положение несколько улучшилось. Большевики поняли и исправили свою главную ошибку в работе с военспецами. Дело в том, что на Урале и в Сибири зачастую местное офицерство прятало свои семьи, а затем переходило в белую армию. Контроля над сибирскими офицерами у большевиков не было. Следовательно, здесь нужно было использовать бывших офицеров из других регионов России. И на Восточный фронт стали направлять специально отобранных в Москве и Петрограде военспецов, отвечавших сразу нескольким критериям, необходимым для большевиков: высоким профессионализмом, знанием театра военных действий, и... страхом за свои семьи, оставшиеся в столицах России. Эти офицеры (в основном бывшие полковники и подполковники), сразу же брались за дело, восстанавливая фронт и сколачивая разрозненные красные части.

Так, сообщение члена реввоенсовета С. И. Гусева от 7.10.1918 о состоянии знаменитой побегам военспецов 2-й армии было выдержано уже в оптимистических

тонах: *“Через неделю, благодаря энергичной работе привезенного мною будущего командарма Шорина, из прибывших частей и прорвавшихся отрядов удалось организовать две дивизии, которые немедленно были двинуты в наступление”*. (Из истории гражданской войны в СССР, сб. док. – М., 1961. – Т. 1. – С. 379.) Таким образом, эффективная работа по отбору военспецов дала хорошие результаты и качественно повлияла на состояние всего Восточного фронта.

Почти так же обстояло дело и в армиях, создававшихся на других направлениях: одни военспецы занимались формированием частей, а затем уходили восвояси, другие занимали их места и вели сформированные войска в бой с белыми. Характерным тому примером может служить судьба 7-й армии и первого ее командующего бывшего генерала Евгения Андреевича Искрицкого. Эта армия была создана под Петроградом осенью 1918 года для изгнания немцев из оккупированных северных губерний России. Авторы *“Истории Ленинградского военного округа”* отмечали, что Искрицкому была присуща *“высокая образованность, глубокое знание военного дела, богатый боевой опыт, полученный в первой мировой войне, и искреннее стремление внести свой вклад в создание Красной Армии”*. (История ЛВО. – М., 1974. – С. 55.)

Не отрицаем того, что Искрицкий был необычайно образованным и опытным военачальником. Но вот насчет *“искреннего стремления”* – очень даже спорно. Впрочем, в показаниях самого А. Е. Искрицкого, также арестованного по делу *“Весна”*, его настроения в годы революции и гражданской войны выглядят иначе: *“Октябрьскую революцию я встретил не сочувственно, так как я ее не понимал и считал ее не отвечающей интересам русского народа. Сильными причинами, побудившими меня к этому, были знаменитый приказ № 1, который я понимал как стремление безответственных элементов развалить армию во время войны, затем сильное впечатление произвело на меня убийство моих родных и близких.*

Вместе с тем для меня было очевидно, что процесс большевизации России будет неотвратимым и что мы, представители старого режима, будем страдающей стороной, со всеми вытекающими из этого последствиями...

Когда я поступил работать в Красную Армию, еще не был ликвидирован германский фронт, и поэтому я считал возможным продолжать борьбу с немцами даже в рядах Красной Армии.

Только после того, когда война приняла гражданский характер и на участке мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме, и которых я мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем Красных войск и предпочел уйти со строевой работы на чисто академическую – науку”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 240(3159), дело контрреволюционной группировки в академии имени Толмачева, показания Искрицкого, с. 86–87.)

Возможно, такое описание своих настроений Искрицкий дал под давлением следователя. Кстати говоря, в показаниях ряда других военспецов, арестованных по делу *“Весна”*, есть упоминания о том, что бывший генерал Искрицкий в 1919 году принципиально ушел в отставку, а когда в середине 20-х вновь вернулся на преподавательскую работу, долгое время из брезгливости отказывался носить форму РККА.

Таким образом, 1918-й стал годом становления Красной Армии. Военспецы, положившие много сил на строительство РККА, разочаровавшись в своем деле, бежали к белым, уходили от активной работы или попадали в тюрьмы. Лишь приблизительно треть создателей Красной Армии осталась на командной и штабной службе у большевиков, да и то – под страхом уничтожения родных и близких. Но на их места приходили другие бывшие генералы и офицеры, и под надежным приглядом комиссаров продолжали начатую своими предшественниками работу.

Видный военный специалист, уже неоднократно упоминавшийся нами бывший полковник Константин Бесядовский на допросах вспоминал: *“Нелегка была и непривычная обстановка работы: тебе не доверяют, комиссар ходит по твоим пятам, следя за каждым твоим шагом. “Комиссар – это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира” – так определил взаимоотношение командира и комиссара один из бывших моих комиссаров. Партийная среда держалась от нас в стороне (партийцы почти сплошь были комиссарами), и мы, остальная масса, чувствовали себя бесправными. Угнетала также и волна обысков, непрерывно производившаяся во всех районах Москвы. Ясно, что все эти новые черты нашего быта службы не могли вызывать довольства, наоборот, приходилось на себе испытывать достаточно сильный зажим нового советского строя. Трудность всех указанных условий одинаково испытывали все мы, офицеры, что ясно выявлялось при наших беседах. Коммунистические идеи были нам чужды, в марксизме мы не разбирались... Однако все же должен сказать, что мы не были настроены контрреволюционно, понимая под этим стремление активно выступить против Советской власти”*. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 67, дело Бесядовского К. И., с. 10–11.)

“Мы – только беспечные ландскнехты”

Кто победит: “мы” – или “они”? Кому придется грызть заплесневевшие сухари и мыкаться по ночлежкам на чужбине или болтаться в петле на Родине? Что же, наконец, дальше? В 1919 году, в самый разгар гражданской войны, эти вопросы мучили подавляющее большинство населения приказавшей долго жить Российской империи. Но если мирным жителям и солдатским массам враждующих сторон ничего серьезного не грозило, то их командирам, бывшим генералам и офицерам, в лучшем случае улыбалось премиленькое будущее на каторге.

Сделанный в 1918 году под угрозой немецкого нашествия выбор в пользу РККА в ходе гражданской войны вполне мог обернуться для военспецов репрессиями со стороны белых. Моральное состояние многих бывших генералов и офицеров было не из лучших. Вот что писал о своих впечатлениях от разговоров с военспецами публицист Ф. Степун: *“Слушали и возражали в объективно-стратегическом стиле, но по глазам и за глазами у всех бегали какие-то странные, огненно-загадочные вопросы, в которых переключалось и перемигивалось все – лютая ненависть к большевикам с острою завистью к успехам наступающих добровольцев; желание победы своей, оставшейся в России офицерской группе над офицерами Деникина с явным отвращением к мысли, что победа своей группы будет и победой совсем не своей Красной Армии; боязнь развязки – с твердой верою: ничего не будет, что ни говори, наступают свои”*. Другой очевидец отмечает, что в разговорах офицеров, с самого начала служивших у большевиков, *“всегда были двусмысленность и двойственность. Но во всех словах этого офицерства красной нитью проходил один момент: полное непонимание коммунизма и своей роли в укреплении того режима, который они ненавидели”*. (Цитируется по: Волков С. В. Трагедия русского офицерства, монография, рукопись. – С. 181.)

Военспецов, по убеждениям перешедших к большевикам, было сравнительно немного. Из старых военачальников таких было мало, зато молодые генштабисты, капитаны и полковники царской армии, получившие в РККА должности, о которых они в прежние времена и мечтать не могли, становились верными сторонниками советской власти.

Временем рождения «идейных» большевистских военспецов нужно считать июнь-июль 1919 года, когда РККА терпела поражение на Южном фронте гражданской войны, а над Петроградом нависла реальная угроза захвата его белыми. Из-за этого в июне-июле 1919 года прокатились массовые аресты военспецов, занимавших различные ответственные посты.

К букету неприятностей большевиков добавился и ряд предательств: переход к белым 19 июня командующего 9-й армией, бывшего полковника Н. Д. Всеволодова и бегство через линию фронта 10 августа начальника штаба 8-й армии, бывшего полковника А. С. Нечволодова (стоит отметить, что 8-й армии вообще жутко не везло на начальников штабов: еще в октябре 1918 года с этой должности к белым сбежал В. В. Вдовьев-Кабардинцев, а в марте 1919-го – В. А. Желтышев). Еще одним сильным ударом было бегство уже из штаба Южного фронта бывшего генерала и профессора Военной академии В. Е. Борисова.

Летом 1919 года советская власть была обеспокоена двумя проблемами: где найти надежных военспецов и на кого свалить неудачи на фронтах гражданской войны. Обе задачи большевики выполнили удачно. Рокировка командного состава

РККА дала блестящие для большевиков результаты – наконец они получили тех военспецов, которые служили им без всяких оговорок. Главкомом Красной Армии стал бывший командующий Восточным фронтом Сергей Сергеевич Каменев. Фронты гражданской войны возглавили: Южный – бывший генерал-лейтенант В. Н. Егорьев, Восточный – бывший генерал-майор В. А. Ольдерогге, командующим Западного фронта остался бывший генерал-лейтенант Д. Н. Надежный.

Названные здесь бывшие офицеры и генералы, ставшие командующими фронтами, не изменили советской власти. Тем не менее двое из них, а именно – В. А. Ольдерогге и Д. Н. Надежный арестовывались по делу «Весна», а С. С. Каменев в 1937 году был посмертно объявлен врагом народа.

Среди молодых офицеров процент приверженцев большевиков был несколько выше. Вот что рассказал об этом на допросах по делу «Весна» бывший полковник А. Д. Тарановский: *“Я полагаю, что старый профессорско-преподавательский состав, пожалуй, был бы не прочь остаться на месте при входе Деникина и надеялся себя реабилитировать перед ним. Что же касается молодого состава генштабистов, то тут бы, без сомнения, произошло разделение, и большая часть, на случай оставления Москвы, ушла бы с отходящими частями Красной Армии, обороняясь на линии Волги, и, может быть, дальше на Восток, т.к. их сверстники в Деникинской армии давно уже были испечены в генералы и служба их там была бы трудна”*. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 248(187), с.27-об.)

Многим бывшим штаб- и обер-офицерам льстили должности, предлагаемые большевиками. Особенно – когда им поручали быть командующими или начальниками штабов армий. И здесь-то военспецы выкладывались на полную катушку, стремясь... нет, не принести большевикам победу, а доказать тем “старым хрычам”, сидящим по другую линию фронта, что и они, молодые, на что-то способны. Вот что, например, рассказал на допросах уже упоминавшийся Сергей Дмитриевич Харламов: *“Переведенный на фронт (штаб 15 армии, переформированной из 15 Латармии) я сразу зажил интересами армии. О моей работе в 15 армии и политическом лице моем могут дать <показания> т. Берзин (начальник 4 управления штаба РККА), т. Данишевский К. К. и ряд других работников 15 армии.*

Получение ответственной должности командующего 7 армии, должности, о которой я не мог бы и мечтать в старое царское время, окончательно делает меня не только просто лояльным гражданином, но и побуждает стремиться к скорейшему дальнейшему достижению побед над врагом.

Неудача обороны Нарвы и прорыв фронта войсками ген. Юденича (мой наштабм Люденоквист оказался прохвостом, изменником и работал не на меня, а на Юденича) сильно меня обескураживает. Приехавшего Председателя Революционного Совета Троцкого я прошу дать мне честь драться с противником хотя бы батальоном или полком. Получаю Колпинскую группу, бью войска Юденича под Павловском, Детским Селом, Гатчиной. Неожиданно получаю орден Красного Знамени. В 20-м году перебрасываюсь на Юго-Западный фронт и назначаюсь начальником штаба Украинской Трудовой армии. Увлеченный работой по социалистической стройке и восстановлению Советского Народного Хозяйства начинаю заражаться энтузиазмом рабочих, не хвастаясь могу сказать, что работаю здесь на совесть”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 172, дело Харламова С. Д., с.15-об–17.)

Таким образом, летом 1919 года в РККА появились военспецы, готовые идти с большевиками до конца. Собственно, они и сыграли одну из главных ролей в гражданской войне.

Козлов отпущения большевики искали с таким же рвением, как и надежных военспецов. Грандиозное наступление Добровольческой армии на Южном фронте,

реальная возможность свержения большевиков повлекли за собой массовый террор ЧК по отношению к военспецам.

Так, 6 июня 1919 года был арестован по обвинению в предательстве начальник штаба Южного фронта, бывший капитан В. Ф. Тарасов; 25 июня – главком РККА И. И. Вацетис, начальник Полевого штаба бывший генерал Костяев и большая часть их сотрудников; на протяжении июля – многие служащие Революционного Военного Совета и Всероглавштаба; 13 июля с поста командующего Южным фронтом был снят бывший полковник В. М. Гиттис.

Гонения на военспецов, работавших в штабах, постепенно принимали колоссальные масштабы. Кадровые военные, попавшие в РККА, были окончательно затравлены: с одной стороны, они боялись гнева большевиков, с другой – мести белых. Конечно, среди них велись “контрреволюционные” разговоры, которые и стали для ЧК хорошим поводом к аресту. Вот что об этом рассказал на допросе в 1956 году, но уже в качестве свидетеля, бывший капитан Генштаба Ю. И. Григорьев: *“В 1919 я исполнял обязанности заведующего слушателями Военной академии РККА в Москве. Примерно в июне-июле 1919 года бывший главком Вацетис был арестован совместно с группой своих штабных работников по обвинению в участии в заговоре. Работники штаба Вацетиса Кузнецов, Доможиров и другие, фамилии которых не помню, были выпускники одного со мной курса Академии Генерального штаба в 1917 году. По-видимому, эти лица дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел...”*

Деникин в то время подходил к Орлу, а Колчак рвался к Волге, и положение для страны Советов сложилось весьма тяжелое. Мы, как бывшие офицеры царской армии, в связи с этим стали обсуждать положение и судьбу на случай возможной победы белых, говорили, что следует держаться вместе, не выдавать друг друга и прочее, о чем вспомнить затрудняюсь. Но дальше слов ни к каким практическим действиям мы не приступали. Вскоре мы были арестованы, и, как я показал, спустя 3–4 месяца из-под стражи освобождены”. (ГАСБУ, фп, д. 63093, т. 79, дело Барановского В. Л., показания Григорьева Ю. И., с. 248.)

Итак, что же случилось летом 1919 года? К сожалению, сейчас уже сложно полностью восстановить ход событий. Понятно лишь одно: разработка в органах безопасности дел по выдуманным следователями обвинениям родилась именно тогда, а не в 1937 году. Сотрудники НКВД были всего лишь верными учениками фальсификаторов из ЧК. Правда, разница заключалась в том, что чекисты фабриковали дела не на всех военспецов, а лишь на какую-то их часть.

Первыми жертвами верных соратников Дзержинского стали начальник штаба Южного фронта, бывший капитан Генштаба Владимир Федорович Тарасов и его сотрудники. Они находились под следствием более полугода, но убедительных фактов “вредительства” чекисты так и не нашли. Впрочем, стоит отметить, что до сих пор неизвестно, куда же после 1919 года делся В. Ф. Тарасов. Может, его выгнали из армии, а может, – прикончили.

Затем “карающий меч революции” обрушился на Полевой штаб РВСР. Одним из первых 25 июня был арестован главком РККА Иоаким Иоакимович Вацетис. Не последнюю роль в этом, похоже, сыграл Бонч-Бруевич. Интересно, что официально Вацетис был смещен со своей должности лишь 8 июля. Почему? Как оказалось, он руководил Красной Армией даже в камере! Вот что писал об этом в своих воспоминаниях уже неоднократно цитировавшийся предшественник Иоакима Иоакимовича: *“Много позже вернувшийся на свободу Вацетис рассказывал мне, что, находясь под арестом, он, якобы, продолжал вместе со своим начальником штаба руководить фронтами. По непостижимо совпадению отдаваемые им распоряжения и приказы были идентичны моим, и только поэтому я, по его словам,*

не почувствовал параллелизма в своей работе по управлению вооруженными силами Республики.

Я не стал возражать Вацетису, хотя и тогда, как и теперь, был уверен, что он все это выдумывал, набивая себе цену и стремясь показать, что даже арест не лишил его доверия правительства”. (Бонч-Бруевич М. Д. Цит. Издание. – С. 340.)

Вместе с Вацетисом и бывшим генералом Костяевым, между прочим, военачальником не менее опытным в штабной работе, чем Бонч-Бруевич, арестовали, как минимум, пять их помощников: капитанов Генштаба Н. Н. Доможирова (к тому времени успевшего пробить в должностях начальника штаба Северного и Западного фронтов), Е. И. Исаева, Б. И. Кузнецова, А. К. Малышева и Е. А. Шиловского.

От арестов сильно пострадал и оперативный отдел Всероссийского Главного штаба РККА, занимавшийся планированием операций. Здесь, по версии ЧК, руководителем “заговора” был начальник оперативного управления бывший генерал-майор С. А. Кузнецов. Основаниями для ареста опять-таки послужило обвинение в том, что он якобы вел “контрреволю-ционные” разговоры.

Вот какие показания были получены на допросах от бывшего сотрудника Всероглавштаба С. Д. Харламова: *“Велись такие разговоры, конечно, во Всероссийском Главном штабе. Сам Кузнецов, начальник Оперативного управления, часто поругивал и начальника Всероссийского Главного штаба Раттэля, и его комиссара (забыл фамилию). Был он большой барин и работу недолюбливал, а к теперешней у него явно душа не лежала. Он часто просто саботировал работу...*

Как относился Кузнецов к назначению лиц генерального штаба на фронты? Назначения шли или через него, или через Раттэля непосредственно. Во втором случае назначение проходило немедленно и безоговорочно.

Всякое же назначение через Кузнецова сильно затягивалось, и всегда находились уважительные причины к неназначению, за что попадало мне”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 172, дело Харламова С. Д., с. 15.)

Большая часть арестованных военспецов принадлежала к числу выпускников Академии Генерального штаба 1918 года. Исходя из этого, ЧК начала проверки и массовые аресты всех генштабистов этого выпуска. В результате около 80 человек было задержано. Многие из молодых военспецов после небольшого разбирательства возвращались в свои штабы и управления, но некоторые все же оставались в сетях чекистов.

Ни Вацетис, ни Костяев серьезно не пострадали, правда, в тюрьме их продержали по полгода и более. Главным вредителем и «стрелочником» чекисты сделали Сергея Алексеевича Кузнецова. Именно на его голову свалили все просчеты командования РККА прорыв белых на Южном фронте, повсеместное бегство красных частей.

В “Красной книге ВЧК” сказано, что генерал Кузнецов вместе с бывшим начальником Всероглавштаба генералом Н. Н. Стоговым и полковником В. В. Ступиным будто бы возглавлял военную организацию так называемого “Национального центра”, готовившего восстание в Москве. (Красная книга ВЧК. – М., 1989. – Т.2. – См. именной указатель.) Но в данном источнике Кузнецов упоминается лишь в показаниях В. В. Ступина и мелких членов «организации». Признаний же самих Стогова и Кузнецова в книге вообще не содержится. Интересна и еще одна деталь: генерал Н. Н. Стогов каким-то образом бежал из-под ареста, перешел линию фронта и в ноябре 1919 года оказался в штабе Деникина (Рутыч Н. Цит. Издание. – С. 231.) Но самое забавное, что в 1920 году на службу в РККА вернулся и единственный расколовшийся военный “заговорщик” – В. В. Ступин. В общем, похоже, что Кузнецова чекисты просто “подставили”.

О дальнейшей судьбе бывшего начальника оперативного управления Всероглавштаба РККА генерала С. А. Кузнецова подробно рассказал в своих воспоминаниях бывший узник Бутырской тюрьмы В. Ф. Клементьев: *“Однако как ни*

крутили чекисты секретность с 5-м коридором, но к концу второго дня доктор Донской уже знал, что там размещены члены Национального центра и лица, связанные с этой организацией...

Узнали мы еще, что сидят там помощник Щепкина (руководитель Национального центра. – Прим. Т. Я.) Алферов и братья Астровы. А самое главное, что чекистам удалось схватить начальника военного отдела Национального центра полковника (генерала. – Прим. Т. Я.) Кузнецова. У большевиков он возглавлял оперативный отдел их Главного штаба.

Помню, в то время, когда члены Национального центра сидели в 5-м коридоре, по околотку прошел слух, что генерал Деникин прислал Ленину требование ничего не предпринимать против полковника Генерального штаба Кузнецова. За его смерть большевистские тузы ответят головами. (Возможно, что этот слух тоже влиял на надзирателей. Они боялись, что если придут добровольцы, им придется держать ответ за жестокое обращение с каэрами)...

Несколько позже я узнал от “леваков”, что полковника Кузнецова чекисты увезли на Лубянку и там без судов и разговоров убили. Таким образом, полковник Кузнецов был расстрелян несколько раньше, чем другие лица, сидевшие по делу Национального центра”. (Клементьев В. Ф. В большевистской Москве. – М., 1998. – С. 363.)

Осенью 1919 года в связи с решительным наступлением белых на Петроград начались массовые аресты военспецов в штабах 7-й армии, Балтийского флота и Оборона города. Эти аресты были уже очень похожи на процессы 30-х годов: заключенные несли явную чушь и окоlesiцу, выгодную следствию.

Центральной фигурой в Петроградском деле стал начальник штаба 7-й армии бывший полковник Генштаба В. Е. Люденквист. Обвинялся он “всего лишь” в том, что... разработал для штаба Северо-Западной армии генерала Юденича план наступления на красный Петроград. Естественно, на допросах Люденквист признал это обвинение, несмотря на его явную абсурдность. Дело в том, что и сам генерал от инфантерии Юденич, и весь его штаб куда лучше разбирались в стратегии, чем полковник Люденквист, а потому в услугах последнего в любом случае не нуждались.

Подобное обвинение было предъявлено и начальнику оперативного отдела Балтийского флота бывшему подполковнику В. Е. Медиокритскому. Здесь следователи пошли еще дальше, заставив своего подопечного признать, что он не только разработал, но и послал в штаб Юденича свой план наступления на Петроград. Не слишком ли много планов для одной белой армии?

Впрочем, дальнейшее разбирательство еще больше походило на фарс. Вот что, например, вполне серьезно утверждал председатель комитета обороны Петрограда знаменитый большевик Г. Е. Зиновьев: “Арестованный военный специалист Берг, фактический начальник воздушного дивизиона Балтфлота, признал, что известный налет английских крейсеров на Кронштадт летом этого года произошел по плану, который он, Берг, лично доставил в Финляндию английским агентам.

Видное участие в деле снабжения Юденича и англо-французских шпионов военными принимал также адмирал Бахирев, заметную роль в белогвардейском заговоре сыграл также начальник Петроградской радиостанции, ныне арестованный, Райтер, который был французским агентом. Всего следствием установлено 6 групп белогвардейского шпионажа.

Ценную услугу белогвардейцам оказывал арестованный Лихтерман, состоявший во главе Руктира (транспортное учреждение 7-й армии). Этот Лихтерман пытался примазаться к коммунистам”. (Зиновьев Г. Е. История заговора // Борьба за Петроград. – Петроград, 1920. – С. 160–161.)

В общем, в заговоре обвинили многих ответственных работников, под подозрение попал даже некто Лихтерман, который вряд ли мог хоть на йоту сочувствовать белым. Но несмотря на абсурдность предъявленных обвинений, почти все 300 схваченных “заговорщиков” были расстреляны.

Зачем в 1919 году большевики устроили массовые аресты в Полевом штабе и Всероглавштабе, на Западном и Южном фронтах? Все очень просто: победы над белыми приписывались самой передовой в мире идеологии, поражения – «продажным военспецам». Чем больше было поражений, тем больше советская власть раскручивала маховик репрессий, ища в своих просчетах крайних. Схема проста, а главное, она использовалась большевиками и в гражданскую войну, и в 20-е, и в 30-е, и в 40-е и даже в 50-е годы. Таким образом, военспецы стали первыми подопытными советской репрессивной системы.

Несмотря ни на что, поредевшие ряды военспецов, еще более запуганные “изменами” и судьбами “изменников”, все же выиграли для большевиков кампанию 1919 года. Как, почему, зачем они это делали? “Мы – только беспечные ландскнехты”, – отвечал на это на допросах один из красных военспецов бывший генерал А. А. Свечин.

Особое совещание А. А. Брусилова

В конце 1919 года Красная Армия, в которой многие ответственные должности занимали бывшие генералы и офицеры царской армии, разбила войска Колчака и Юденича, а в начале 1920 – Деникина. Но у Страны Советов появился новый, не менее опасный враг – Польша, поддерживаемая многими странами Антанты. Кроме того, в Крыму и на юге Украины еще продолжали стойко защищаться белые войска генерала Врангеля.

К весне 1920 года численность военспецов в РККА значительно сократилась за счет естественных потерь, репрессий со стороны большевиков и перебежчиков. К 1 сентября 1919 года в Красную Армию было призвано 35502 бывших офицера (Директивы командования фронтов Красной Армии. – М., 1978. – Т. 4. – С. 274). Но подготовленных командных кадров в распоряжении РККА больше не было. Поэтому весной 1920 года в армию стали в массовом порядке принимать бывших белых офицеров из армий, капитулировавших в Сибири, под Одессой и на Кавказе. Как свидетельствуют многочисленные авторы, к началу 1921 года таковых было принято 14390 человек (Ефимов Н. А. Командный состав Красной Армии // Гражданская война. – М., 1928. – Т. 2. – С. 95). Впрочем, бывшие белые офицеры принимались в ряды РККА лишь до августа 1920 года. Затем же потребность в этом просто отпала, и их прекратили ставить в строй. Уже на 1 января 1921 года в Красной Армии числилось 12 тысяч бывших белых офицеров (там же, с. 95).

Естественно, бывшие белогвардейцы неохотно шли к большевикам, не видя в этом никакого смысла. Этим вчерашних белогвардейцев нужно было вдохновить на службу советской власти, на ярких примерах заставить поверить в то, что Красная Армия является не только классовым орудием, но и силой, защищающей целостность страны.

В этой ситуации большевики и вспомнили о “залежах” прославленных русских военачальников времен Первой мировой войны, мирно “пылившихся” по тюрьмам, в Военно-исторической комиссии и Военной академии РККА. Их решающее слово в поддержку красных могло серьезно повлиять не только на мировоззрение бывших белогвардейцев, но и тех, кто с оружием в руках продолжал сражаться с советской властью. Главной фигурой среди именитых генералов, еще скрывающихся за кулисами истории, был, бесспорно, бывший главнокомандующий

русскими армиями генерал Алексей Алексеевич Брусилов, живший в Москве и с недавнего времени работавший в Военно-исторической комиссии.

1 мая 1920 года, после начала Польской кампании, генерал Брусилов прислал начальнику Всероглавштаба Н. И. Раттэлю письмо со взглядами на новый военный конфликт. Своими мыслями Алексей Алексеевич также поделился с коллегой по работе в Военно-исторической комиссии Владиславом Наполеоновичем Клембовским. Бывшим генералом Клембовским соображения А. А. Брусилова были истолкованы как желание военачальника помочь РККА и в таком свете донесены до Н. И. Раттэля. В свою очередь начальник Всероглавштаба сообщил о письме А. А. Брусилова руководителю РВС Л. Д. Троцкому. Лев Давидович справедливо рассудил, что появление Брусилова в стане красных принесет громадную пользу Стране Советов и уже 2 мая опубликовал в газетах письмо военачальника к Раттэлю и приказ о создании во главе с Алексеем Алексеевичем Особого совещания. (Брусилов А. А. Мои воспоминания, 2-я часть // Военно-исторический журнал. – Москва, 1989. – № 10. – С. 69–70.)

По информации газеты “Правда” от 5 мая, в состав Особого совещания кроме А. А. Брусилова вошли: бывшие военные министры А. А. Поливанов (1915–1916) и А. И. Верховский (1917), П. С. Балуев (в Первую мировую войну возглавлявший Западный фронт), А. Е. Гутор (командовавший Юго-Западным фронтом), В. Н. Клембовский (командовавший Северным фронтом), Н. А. Данилов (бывший командующий 2-й армией), А. А. Цуриков (возглавлявший 6-ю армию), Д. П. Парский (командовавший 12-й армией), А. М. Зайончковский (известный военный историк, бывший командир корпуса), М. В. Акимов (помощник главного интенданта армии). Особое совещание находилось в непосредственном подчинении главкома РККА С. С. Каменева и должно было являться вспомогательным органом. Стоит заметить, что в мемуарах А. А. Брусилова в списке членов Особого совещания отсутствует Н. А. Данилов. Что это – ошибка мемуариста, либо два варианта состава совещания – ответить сложно.

Уже 23 мая в “Правде” было опубликовано знаменитое воззвание “Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились”, подписанное всеми членами Особого совещания и гласившее: *“В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо, в противном случае, она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию”*. (Ростунов И. И. Генерал Брусилов. – М., 1964. – С. 202.)

Ложь этого воззвания была очевидна: в войне с Польшей большевики преследовали лишь одну цель – перенести пожар революции в Европу. Но даже несмотря на логику и здравый смысл, обращение Брусилова и других генералов к своим бывшим боевым товарищам произвело на многих белых офицеров колоссальное впечатление. Собственно, большего от Особого совещания большевики и не ждали. Поэтому уже через несколько дней после издания воззвания совещание приказало долго жить.

Но вопрос в другом: действительно ли все перечисленные военачальники самолично дали свое согласие на вхождение в Особое совещание и собственноручно подписали воззвание? Очень большие сомнения.

А дело, собственно, вот в чем. Бывший генерал от инфантерии Николай Александрович Данилов с первых же дней Октябрьского переворота возненавидел большевиков. Несколько раз он пытался выбраться из красного Петрограда, но все время попадал в руки ЧК, впрочем, учитывая возраст и заслуги, генерала в заключении особо не мурыжили. Надолго “загнать” в чекистские застенки Данилову «удалось» лишь в 1919 году: он попался при переходе границы с Финляндией по льду залива (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 88(67), дело Бесядовского К. И., с. 67). Из заключения генерала выпустили только в 1920 году, но рассчитывать на него большевики вряд ли могли – Данилов оставался крайне контрреволюционно настроенным человеком. Во время проведения массовых арестов по делу “Весна” Ленинградское ОГПУ запрашивало санкцию начальника СОУ ОГПУ Евдокимова на взятие Данилова под стражу. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 240(3159), дело контрреволюционной группировки в Военно-Политической академии, с. 179.) Правда, сведений об аресте в то время Данилова не имеется.

Крайне контрреволюционно настроенным был и арестовывавшийся по делу “Весна” бывший военный министр Керенского А. И. Верховский. На допросах он показал: *“Я встретил Октябрьскую революцию, как враг. Я считал ее лозунги: “хлеб, мир и свобода” – обман, считая, что Советская власть ведет страну к гибели. Поэтому я все силы положил на борьбу с Советской властью и участвовал во всей борьбе, руководимой партией с.р. (социал-революционеров. – Т.Я.). Я подготовил восстание с целью захватить власть в Ленинграде, для чего сколачивал кадры демократического офицерства и вел агитацию на заводах. Устанавливал взаимодействия для вооруженной борьбы с Советской властью, с Центральной Радой, для чего ездил в Киев, по предложению ЦК партии с-р., с одним из членов ЦК (кажется — Герштейн). Говорил с Петлюрой, но соглашение не состоялось, т.к. Рада вошла в союз с немецким правительством. Вел подготовку создания новой власти при действующей армии, для чего вместе с Черновым, Фейр и Гоцем ездил в Ставку.*

Все это не привело ни к каким результатам. Тогда я хотел уехать на Западный фронт и поступить во Франции во французскую или американскую армию. В завязавшейся войне России ни на белой, ни на красной стороне я не желал участвовать”. (ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 61, дело Верховского А. И., с. 23.)

Как следует из дела Верховского, в период гражданской войны он регулярно арестовывался и трижды сидел в тюрьме: феврале – марте и мае – ноябре 1918-го, марте – октябре 1919 годов. О своем участии в деятельности Особого совещания А. И. Верховский не обмолвился ни словом. Более того, в мае 1920 года Александр Иванович, прикомандированный к штабу запасной армии, находился в Казани и быть в Москве для подписания воззвания никак не мог.

Так же, как и Верховский, в 1917–1919 годах арестовывались А. А. Поливанов, П. С. Балув и А. А. Цуриков. О задержании этих лиц известно из различных справок и случайных обмолвок военспецов, арестованных по делу «Весна». Правда, более точных данных по этому вопросу не имеется, и указать дату и причину ареста названных выше генералов не представляется возможным.

Арестовывался и сам руководитель Особого совещания Алексей Алексеевич Брусилов, о чем писали почти все его биографы. Показательна судьба и еще одного “подписчика” – бывшего генерала В. Н. Клембовского, буквально через несколько месяцев после выхода воззвания замученного в чекистских застенках.

И что же получается? Как минимум, над пятью авторами воззвания большевики долгое время измываются в тюрьмах (Данилов, Верховский, Поливанов,

Балуев, Цуриков), а они потом радостно подписывают демагогическую и чудовищную по своей лжи бумагу? Если к этим пятерым еще добавить и убитого большевиками Клембовского, то выходит совсем неясная картина. Уж не миф ли это Особое совещание со своим воззванием? Не фальсификация ли большевиков? Однозначно на этот вопрос ответить сложно. Но, похоже, что часть военачальников, чьи фамилии стоят под воззванием, узнали о нем так же, как и все остальные бывшие генералы и офицеры, – из сообщения в газете “Правда”.

Вот что вспоминал по этому поводу сам А. А. Брусилов: *«Никто не знал, в какую неожиданную ловушку я попал, большинство не могло, а многие не хотели понять моих убеждений. Да, в сущности, не все ли равно: Россия гибла, я ничего не делал, под лежащий камень вода не пойдет. Я сознавал, что отдал свое имя на растерзание, но в глубине души надеялся, что все перемелется и в конце концов, будучи у дела, я все же пригожусь России, а не интернационалу...»*. (Брусилов А. А. Мои воспоминания, 2-я часть // Военно-исторический журнал. – Москва, 1989. – №10. – С. 71.)

Судя по воспоминаниям А. А. Брусилова, после опубликования приказа какие-то заседания Особого совещания все же проводились, но на них, например, подробно обсуждали штаты стрелковых, кавалерийских и артиллерийских частей. Алексей Алексеевич также утверждал, что на заседания не попал только А. А. Цуриков, живший в Одессе и зарабатывавший на жизнь сапожным ремеслом. Но, как видно из изложенных выше фактов, на заседания не попали еще как минимум двое бывших генералов: Н. А. Данилов и А. И. Верховский. Таким образом, серьезной деятельностью Особое совещание не занималось, кроме того, часть его членов никогда не появлялась на заседаниях.

Несмотря ни на что, воззвание Особого совещания сыграло свою роль: в РККА стали сотнями вступать бывшие, в том числе и белые офицеры. Большая их часть отправлялась на Западный фронт для борьбы с поляками. На Южном фронте, против Врангеля, в основном оставались старые, проверенные военспецы.

Из в прошлом видных белых генералов в 1920 году на службу к большевикам вступили: бывший командующий Кубанской армией Н. А. Морозов, начальник штаба Уральской армии В. И. Моторный, командир корпуса в Сибирской армии И. Г. Грудзинский и многие другие. А всего во время Польской кампании в РККА пришло одних бывших белых генштабистов 59 человек, из них – 21 генерал. (Подсчитано по: Список лиц с высшим общим образованием... в РККА к 1.03.1923. – М., 1923). Все они сразу же отправлялись на ответственные штабные должности.

В последующем из этих лиц в РККА особо прославились командующий 4-й и 3-й армиями, автор переизданного в наши дни двухтомника “Как сражалась Революция” бывший полковник Н. Е. Какурин и профессор Военной академии бывший генерал А. Г. Лигнау – оба репрессированы по делу “Весна”. Впрочем, к рассказу об этих людях мы еще вернемся.

Несмотря на значительное усиление хорошо подготовленным кадровым составом, в августе 1920 года РККА потерпела тяжелое поражение под Варшавой. Вновь, как и год назад, начались массовые аресты военспецов, на сей раз – с польскими фамилиями. Самое интересное, что хватали всех без разбора, не особо считаясь с тем, поляк ли данный задержанный по происхождению, или нет. Еще более странно это выглядело, если учесть, что в русской армии поляки-католики не принимались в Академию Генерального штаба. Те же поляки, которые окончили академию, были либо православными, либо лютеранами, и уже поляками не считались. Но для большевиков такое понятие, как вероисповедание, не существовало.

В результате в течение августа 1920 года были схвачены бывший генерал от инфантерии В. Н. Клембовский, помощники начальника Всероглаштаба бывшие

генералы К. И. Рыльский и А. И. Мочульский, начальник оперативного управления генерал В. И. Левитский, сотрудник Артиллерийского управления генерал Е. К. Смысловский. Дошло до абсурда: был схвачен инспектор инженеров РККА прославленный генерал К. И. Величко, происходивший из старинного украинского рода. Всем им предъявляли традиционные обвинения: вредительство, предательство и шпионаж в пользу противника. Причем на плечи перечисленных генералов была переложена еще и неудача похода войск Тухачевского в Польшу.

Неизвестно, как вели себя на допросах обвиненные генералы. Сохранились более или менее точные сведения лишь о судьбе Владислава Наполеоновича Клембовского. Нужно заметить, что на протяжении всей гражданской войны большевики настойчиво распускали слухи, что Клембовский и Гутор являются главными противниками войск Деникина и Петлюры на Юге страны. Именно поэтому среди белых установилось мнение, что Клембовский наравне с Бонч-Бруевичем, Каменевым и другими крупными генштабистами сразу же перешел на сторону большевиков. Но это не так: весной и летом 1918-го года Владислав Наполеонович находился в тюрьме в качестве заложника советской власти. С августа же 1918-го и почти до конца гражданской войны бывший генерал занимался исключительно научной работой – был председателем, а затем членом Военно-исторической комиссии. Таким образом, в боевых действиях Владислав Наполеонович не участвовал.

По обвинению в пособничестве полякам В. Н. Клембовский был арестован одним из первых. Он попал в Бутырскую тюрьму, и о дальнейшей судьбе генерала можно узнать из воспоминаний одного из заключенных: *“В 7-м коридоре была еще одна камера, с номером 72. Она помещалась в конце коридора, на отлете. Имела отдельную уборную. Ее два окна выходили на тюремный двор. В этой камере, за разгром Красной Армии под Варшавой в 1920 году, сидел генерал Клембовский – начальник штаба Тухачевского (автор воспоминаний ошибается, у Тухачевского генерал не служил. – Прим. Я. Т.). Чекисты его долго держали в тюрьме без допросов. Генерал объявил голодовку. Явился, хотя и не сразу, полномочный представитель ВЧК. Предложил генералу прекратить голодовку. Клембовский продолжал голодать, кажется, так и умер от голода. Никто ему не помог, никто его делом не заинтересовался”*. (Клементьев В. Ф. В большевистской Москве. – М., 1998. – С. 363.)

Какой-то бред – не правда ли? Выходит, что в мае 1920 года генерал Клембовский якобы вступает в Особое совещание и подписывает пресловутое воззвание против поляков, а в конце года умирает в тюрьме, брошенный туда по обвинению в пособничестве полякам...

Почти такая же судьба была уготована бывшим генералам А. И. Мочульскому и К. И. Рыльскому. По свидетельствам военспецов, арестованных по делу “Весна”, они были расстреляны. Лишь Е. К. Смысловский и К. И. Величко отделались легким испугом, и вскоре были отпущены. Судьба же бывшего генерала В. И. Левитского пока что до конца не ясна.

До сих пор неизвестно, сколько всего военспецов с польскими фамилиями было уничтожено ЧК в 1920 году. Ясно лишь, что речь идет не о единичных фактах, а о сотнях расстрелянных. Но благодаря этому увеличилось количество военспецов с польским “пятном”, перешедших на сторону противника. Известно как минимум три случая бегства крупных красных военачальников: командиров дивизий РККА генерала Л. А. Радус-Зенковича, полковника К. К. Карлсона и наштадива капитана И. А. Бардинского (последние двое – см. ГАСБУ, фп, д. 67093, т. 172, дело Харламова С. Д., с.15).

И какой же результат получили большевики в Польскую кампанию? Взять Польшу – не взяли, зато большинство офицеров с польскими фамилиями вырезали. Да, хорошая кампания, ничего не скажешь.

“Я решил, что ничего не может оторвать меня от народа”

Зато на Юге дела большевиков развивались вполне удачно. Здесь костяк армии составляли военспецы, служившие в РККА с 1918 года. Для советской власти эти командные кадры были вполне надежны, поскольку к тому времени одержали не одну победу над белыми и прошли через ряд чисток в ЧК. Теперь это были не просто военспецы, а “настоящие красные командиры”.

Первоначально боевые действия как против армий Врангеля, так и против войск Петлюры с поляками вел Юго-Западный фронт. Командующим фронтом был в прошлом подполковник царской армии, будущий маршал Советского Союза Александр Ильич Егоров. Должность его начальника штаба занимал бывший полковник Генштаба Николай Николаевич Петин. Членом Реввоенсовета фронта был сам Иосиф Виссарионович Сталин.

Егоров и Петин были опытными и талантливыми военачальниками. Оба они по разным причинам порывать с красными не собирались. А. И. Егоров, похоже, был обычным «служакой». В 1905–1909 годах, будучи младшим офицером, а затем командиром роты, он участвовал в подавлении революционных восстаний на Кавказе. Причем собственноручно командовал расстрелами манифестаций. В период Первой мировой войны, будучи на позициях, Александр Ильич написал талантливый очерк истории родного полка, и на его страницах расплылся в верноподданнических чувствах. Наконец, в 1917 году Егоров, избранный в Совет солдатских депутатов, неоднократно менял свою политическую позицию, и до того как вступить в партию большевиков, успел побыть левым эсером.

Были ли у Николая Николаевича Петина причины недолюбливать старый строй – неизвестно. Но из его боевой биографии явствует, что в Первую мировую он был очень хорошим штабным работником, причем прошел все стадии штабной службы от начальника штаба дивизии до офицера штаба Верховного главнокомандующего. Чина полковника к окончанию войны на русском фронте ему было явно мало, тем более что большинство сокурсников Николая Николаевича по Николаевской военной академии к тому времени были уже генералами.

В РККА Петин стал начальником мобилизационного управления штаба Беломорского округа, затем начальником штаба армии, наконец – последовательно начальником штаба Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. К этому стоит добавить, что Петин был близким другом красного главкома Сергея Сергеевича Каменева. В 1907 году они вместе окончили Военную академию Генерального штаба. Что ж, может быть, это тоже сыграло свою роль в том, что Николай Николаевич твердо оставался на стороне Советской России.

Впрочем, о позиции Петина можно судить и из одного любопытного архивного документа. В начале июля 1920 года начальник штаба Врангеля и бывший сослуживец Петина генерал П. С. Махров тайно передал Николаю Николаевичу просьбу посодействовать белым в их борьбе с большевиками. И вот что Петин ответил: *“...я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной Армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я не прозрел, то находился бы либо в тюрьме, или в концентрационном лагере. С того самого*

момента, когда Вы с генералом Стоговым выехали из Бердичева перед вступлением туда призванных Украинской Радой немцев и австрийцев, я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился с оставшимися сотрудниками в страшную для нас в то время, но вместе с сим родимую Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению, под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте. Для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность нач. штаба армии и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно открыться картина настоящего положения страны. И я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа". (ЦГАРА, ф. 102, оп. 1, д. 56, с. 93. Благодарю за предоставленный документ киевского историка А. А. Буравченкова. – Я. Т.)

Егорову и Петину пришлось тянуть на своих плечах борьбу на двух фронтах: с польско-украинскими войсками Пилсудского и Петлюры на западе и армиями Врангеля на юге. Естественно, это создавало дисгармонию в работе штаба, нервировало его руководителей и сотрудников. Да и физически воевать против двух сильных противников было достаточно сложно. Именно поэтому в начале осени 1920 года против Врангеля начал создаваться Южный фронт, куда с западного направления перебрасывались крупные красные соединения.

Официальным командующим Южным фронтом 21 сентября был назначен легендарный большевистский деятель М. В. Фрунзе-Михайлов. Реально же разрабатывали операцию по взятию Крыма начальник штаба фронта, бывший подполковник Генштаба И. Х. Паука и помощник Фрунзе, бывший генерал-майор Генштаба В. А. Ольдерогге. К тому времени на счету командовавшего в 1919 году Восточным фронтом Владимира Александровича Ольдерогге был разгром армий Колчака, а Иван Христианович Паука успел отличиться в первой половине 1920 года на посту командарма 13.

Это были талантливые и высокообразованные военные. За свою долгую карьеру Владимир Александрович великолепно выучил как восточный, так и южный театры военных действий. У Ольдерогге многое было связано с Востоком. Попал он туда еще в 1904 году капитаном Генштаба, добровольно отправившись на Русско-японскую войну. В 1906–1907 годах, после окончания войны, Владимир Александрович заведовал стрелковым отделом Севастопольской крепости, а отсюда – знание Крыма и его перешейков. Но затем Ольдерогге вновь вернулся в Сибирь, где и служил на различных должностях в управлении военных сообщений почти до начала Первой мировой войны. (Список Генерального штаба на 1912 год. – СПб, 1912. – С. 395.)

1917 год генерал-майор фон Ольдерогге встретил на Юго-Западном фронте командиром 1 Туркестанской стрелковой дивизии. С ее остатками под натиском немцев в начале 1918 года Владимир Александрович отступил на территорию России. А дальше все пошло по накатанному пути: полтора месяца Ольдерогге руководил Новоржевским участком «завесы», затем около года командовал на Западном фронте Новоржевской (позже Псковской и Литовской) стрелковой дивизией. Во главе этой дивизии бывший генерал проявил себя в боях с поляками, белогвардейцами и войсками национальных армий на территории Белоруссии, Литвы и Латвии.

15 августа 1919 года, во время наступления Восточного фронта РККА, его командующий, Сергей Сергеевич Каменев, был назначен красным главкомом. На место Каменева с Западного фронта был срочно отозван В. А. Ольдерогге. До сих пор остается загадкой, почему именно Владимир Александрович, по сути, один из десятков комдивов, вдруг перескочил через должность командарма и был сразу же

назначен командующим Восточным фронтом. Не объясняют этого и две единственные публикации об Ольдерогге: А. Г. Кавтарадзе (Командующий Восточным фронтом // Военно-исторический журнал. – М., 1981. – №7) и М. Корсунского (Офицеры Ольдерогге: 1000 лет верности и чести // Советский воин. – М., 1990. – №18).

В общем, остается лишь принять к сведению тот факт, что 15 августа 1919 года, в один из наиболее сложных периодов существования советской власти, на небосклоне красных военачальников появилась новая звезда – генерал фон Ольдерогге. Владимир Александрович сходу приступил к дальнейшему наступлению против армий Колчака. Войск у него, если верить энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР”, было не так уж и много: 65,6 тысячи штыков, 5,8 тысячи сабель, 215 орудий, сведенных в 3-ю и 5-ю армии, против 57,5 тысячи штыков, около 10 тысяч сабель и 239 орудий противника (см. цит. издание, с. 385).

Многие боеспособные части Владимиру Александровичу по приказу Реввоенсовета республики пришлось срочно перебрасывать на Южный и Северо-Западный фронты, где шло упорное наступление войск Юденича и Деникина. Между прочим, из-за этого у Ольдерогге возник серьезный конфликт с командующим 5 армией М. Н. Тухачевским. Вот что об этом вспоминал один из сподвижников Тухачевского, Н. И. Корицкий: *“15 августа, к нашему всеобщему огорчению, Михаил Васильевич Фрунзе сдал командование Восточным фронтом. На его место назначили бывшего генерала Ольдерогге. С новым командующим у Михаила Николаевича возникли серьезные разногласия.*

Все, кто работал тогда рядом с Тухачевским, хорошо помнят, как тяжело переживал он это. Однако соблюдал такт и выдержку, всячески старался не уронить авторитета старшего начальника в глазах подчиненных.

Ольдерогге отдавал очень противоречивые приказания. Вслед за Троцким он считал, что с Колчаком уже покончено, и, не сообразуясь с обстановкой, отводил с фронта одну часть за другой”. (Корицкий Н. И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский. – М., 1965. – с. 89.)

В этом отрывке что ни слово – то, мягко говоря, лукавство. Во-первых, В. А. Ольдерогге перебрасывал войска вглубь России не по своей прихоти, а по приказу главкома С. С. Каменева, который знал обстановку на фронте, как вы понимаете, намного лучше Тухачевского. Во-вторых, не Ольдерогге, а Тухачевский был выдвинутцем Л. Д. Троцкого, и споры Михаила Николаевича с командующим фронтом в этом отношении кажутся еще более странными, поскольку именно тогда Троцкий пытался спасти от белых красный Петроград и перебрасывал туда войска из Сибири. Наконец, с Колчаком действительно еще не было покончено, но ведь именно для этого и назначили В. А. Ольдерогге, а не для того, чтобы “отводить с фронта одну часть за другой”.

Сразу же взяв с места в карьер, Ольдерогге повел свои армии на штурм новой линии фронта белогвардейцев на рубеже Тобольск – Кустанай. 20 августа он начал так называемую Петропавловскую оборонительно-наступательную операцию. Но и тут у Ольдерогге с Тухачевским возник ряд разногласий. Владимир Александрович справедливо считал, что наступать нужно вдоль железной дороги, Тухачевский же стремился “оседлать” фланги, тем самым значительно распыляя силы. В результате операции, которая 5-й армии далась очень нелегко, противник был отброшен за речку Ишим, в красные захватили Тобольск и Петропавловск. Чья это была победа: Ольдерогге или Тухачевского, никак не могли решить до 1931 года, пока Владимира Александровича не расстреляли. Впрочем, об этом – еще впереди.

Новое столкновение между Ольдерогге и Тухачевским произошло во время проведения Омской операции 4–16 ноября 1920 года. Теперь командующие поспорили из-за действий созданной фактически Ольдерогге Сибирской

кавалерийской дивизии. (Тухачевский М. Н. Курган-Омск // Этапы большого пути. – М., 1963. – С. 63.) В конце концов после взятия Омска М. Н. Тухачевский был отозван на Южный фронт, а В. А. Ольдерогге, получив, правда, строгий нагоняй от самого Ленина, остался единовластным начальником на Восточном фронте. В результате проведенных Ольдерогге Новониколаевской и Красноярской операций войска Колчака были окончательно разбиты, а сам он пленен и затем расстрелян красными.

15 января 1920 года Восточный фронт Красной Армии прекратил свое существование: практически вся Сибирь была занята большевиками, а белые надорвали силы и более не были способны на серьезные наступательные действия. Большая часть войск спешно перебрасывалась на Южный и Западный фронты, остающиеся соединения сводились в одну 5-ю армию под командованием бывшего полковника М. С. Матиясевича, между прочим, в 1931 году также осужденного по делу “Весна” на 10 лет исправительно-трудовых работ.

Долгое время Владимир Александрович Ольдерогге оставался в Западной Сибири, где возглавлял оставшиеся войска, а в конце сентября по личной просьбе командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе был прикомандирован к нему в качестве помощника. Думаю, что этот факт стоит подчеркнуть особо: Фрунзе выбрал не Тухачевского, который всегда прикрывался его именем, а именно Ольдерогге.

А что же представлял собой начальник штаба Южного фронта, бывший подполковник Генштаба Иван Христианович Паука? Для советской власти он был человеком проверенным и вполне надежным. Почему? Во-первых, Паука был латышом, и, как и многие латышские стрелки, самоотверженно служил большевикам. Во-вторых, в 1918 году бывший подполковник решительно проявил себя во время ликвидации Ярославского восстания белогвардейцев. В-третьих, около года И. Х. Пауке пришлось служить сначала начальником штаба, а затем командиром 42 шахтерской стрелковой дивизии, бойцы которой были быстры на расправу и в свое время прикончили за грабежи предыдущего комдива, родного брата знаменитого матроса П. Е. Дыбенко – Федора. Так что Иван Христианович прошел суровую школу службы у большевиков.

С 15 февраля 1920 года И. Х. Паука возглавлял 13-ю армию, которая дралась на крымских перешейках с белыми войсками генерала Слащева, но так и не смогла овладеть полуостровом. Это спасло армии Деникина от окончательного разгрома, и они, эвакуировавшись из Одессы и Новороссийска, вновь объединились в Крыму, теперь уже под командованием Врангеля. Многие советские партийные деятели обвиняли Пауку в том, что именно он виновен в возникновении нового фронта против Врангеля: мол, что ж ты, подполковник, Крым не взял. Но в этом вина Пауки небольшая: с ничтожными силами было мудро войти на полуостров. Но 5 июня 1920 года, после весеннего прорыва из Крыма белых войск и захвата ими Александровска, И. Х. Паука вообще был отстранен от командования.

С созданием Южного фронта и приездом М. В. Фрунзе Паука был вновь возвращен в войска и 27 сентября назначен... начальником штаба фронта. Фрунзе справедливо рассудил, что во-первых Иван Христианович как никто другой знает будущий театр военных действий, а во-вторых – за битого двух небитых дают, и Паука сможет исправить свои ошибки. Так оно вскоре и вышло. В помощь Пауке сначала для разработки наступления в Северной Таврии, а затем и Перекопско-Чонгарской операции из Москвы в штаб фронта прибыл начальник Полевого штаба РККА бывший генерал П. П. Лебедев.

Наверное, многим с детства знакома фотография: “победители” Врангеля Фрунзе, Буденный и Ворошилов склонились над картой. Так вот, реальными победителями были Лебедев, Ольдерогге и Паука – именно им по праву должна

принадлежать честь покорителей Крыма. В результате проведенных операций армия Врангеля была разбита, и до 17 ноября окончательно покинула родную землю.

Как известно, на этом гражданская война не закончилась, в особенности – для военспецов. Да, еще шла борьба на Дальнем Востоке, еще не успокоились украинские и белорусские военные, совершавшие налеты на западные границы, еще пылала Россия огнем крестьянских восстаний. Но речь не об этом, большевики победили, и никакие восстания уже не могли серьезно повлиять на положение в стране.

Весной 1921 года в Петрограде началась новая волна арестов видных военных специалистов. Главной причиной стало обвинение в якобы имевшей место поддержке военспецами Кронштадтского мятежа, вспыхнувшего 1 марта 1921 года. Уже на следующий день ЧК были схвачены помощник начальника штаба Петроградского военного округа бывший капитан М. М. Энден и ряд его сослуживцев. Впрочем, Эндена быстро отпустили, но ряд военспецов продолжал оставаться в заключении еще долгое время.

Следствие по делу Кронштадтского мятежа тянулось весь 1921 год. Было арестовано и прошло «филтрацию» множество видных военных деятелей, в прошлом именитых генералов царской армии. Среди них можно назвать бывшего командарма А. М. Зайончковского, начальника штаба Западного фронта Н. Н. Шварца (арестован 9.09, выпущен 6.12.1921), начальника управления военных сообщений РККА М. М. Загю (отпущен 6.12.1921). К сожалению, подробности погрома военспецов 1921 года не известны, но, похоже, в гражданскую войну это была последняя волна гонений на бывших генералов и офицеров.

Приложения

Таблица 1

Количество военспецов на руководящих должностях РККА в 1918–1920 годах

	сего	Бывшие генералы и офицеры			прочие	и не становлен
		кадровые офицеры	из них Генштаба	военного времени		
командующие фронтами	10	18*	10		2	
начальники штабов фронтов	2	22	22			
командующие армиями	6**	47	28	16	9	
начальники штабов армий	3	77	49	8		
командиры	85	20	35	11	40	18

дивизий						
---------	--	--	--	--	--	--

Таблица с некоторыми поправками составлена по: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М., 1988. – С. 207–209, 259-262.

* А. Г. Кавтарадзе не учтено, что командующий Украинским фронтом А. В. Антонов-Овсеенко также являлся кадровым военным, в свое время окончившим кадетский корпус и училище

** Численность командующих армиями, во-первых, дана без учета тех военспецов, которые также занимали более высокие должности, а во-вторых, значительно исправлена по собственным изысканиям.

Таблица 2

Мобилизация в РККА бывших офицеров с 10.06.1918 по 15.05.1919

	1 5.11.1918	1 5.12.1918	1 5.01.1919	1 5.04.1919	1 5.05.1919
Московский округ	9 379	8 122	9 471	8 142	8 172
Петроградский округ	1 3	2 9	3 0	2 458	2 458
Орловский округ	6 810	6 814	6 814	4 703	7 334
Приволжский округ	1 576	2 046	3 813	5 124	5 170
Уральский округ	6 48	8 63	9 98	1 048	1 048
Ярославский округ	2 062	2 622	3 672	4 244	4 289
Западный округ				2 992	3 016
Всего:	2 0488	2 0496	2 4798	2 8711	3 1487*

Составлено по: Директивы командования фронтов Красной армии. – М., 1978. – Т. 4. – С. 271–273.

* Может возникнуть справедливый вопрос, каким образом в условиях поражений на фронтах гражданской войны численность бывших офицеров к 1.09.1919 возросла до 35502 человек. На мой взгляд, в данной таблице не учтена мобилизация бывших офицеров на территории Украины. Мобилизация офицеров и военных чиновников на Украине дала на 20.06.1919 8906 человек (Гражданская война на Украине, сб. док. – К., 1967. – Т. 2. – С. 175).

Таблица 3

Наличие резерва военспецов во втором полугодии 1919 года

	с юль	с вгуст	с сентябрь	с октябрь	с ноябрь	с декабрь
--	----------	------------	---------------	--------------	-------------	--------------

Московский округ	20	58	730	1048	1116	145
Петроградский округ	73	110	086	542	98	11
Ярославский округ	195	43		70	97	72
Западный округ	11	99	039	01	08	40
Приволжский округ	26	99	169	94	03	90
Орловский округ	307	1	5	8		0
Приуральский округ	250				2	
Всего:	482	880	079	775	529	770

Составлено по: Директивы командования фронтов Красной Армии. – М., 1978. – Т.4. – С. 345–346.

Таблица 4

Наличие военспецов в кадрах Всеобуча в 1919 году

	1.01.1919	1.04.1919	1.07.1919	1.10.1919	1.12.1919
генерал	43	18	16	14	19
ов		8	3	1	4
офицер	14	62	70	22	29
ов	63	93	92	74	42
Всего:	15	64	72	24	31
	06	81	55	34	57

Составлено по: Директивы командования фронтов Красной Армии. – М., 1978. – Т.4. – С. 325.